

18+ Андрей Марковский

ВЕСЕЛЬЯ ЖИЗНИ СКРЫЛСЯ ЛЕГКИЙ ДЫМ

Рассказы для девушек среднего возраста

Андрей Марковский

**Веселья жизни скрылся
легкий дым. Рассказы для
девушек среднего возраста**

«Издательские решения»

Марковский А.

Веселья жизни скрылся легкий дым. Рассказы для девушек
среднего возраста / А. Марковский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533197-7

К некоторым нашим дамам прочно прилепилось именование «девушка». «Сударыня» и «барышня» не прижились — чересчур старорежимные. У «особы» и «миледи» ярко отрицательное звучание. «Тётка» и «женщина» — грубо и пошло. Годы, как наличие или отсутствие детей, тоже ни при чём. Да, они не юные, но всё-таки девушки, только среднего возраста. Девушками называют и в тридцать, и в сорок, а некоторые остаются ими в пятьдесят и даже в шестьдесят лет. Для всех вас предназначены мои рассказы.

ISBN 978-5-00-533197-7

© Марковский А.
© Издательские решения

Содержание

ГЕОМЕТРИЯ ПРОСТРАНСТВА	6
НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ	16
ГЛАЗ БУДДЫ	27
СУДЬБА	40
ВСТРЕЧА	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Веселья жизни скрылся легкий дым Рассказы для девушек среднего возраста

Андрей Марковский

© Андрей Марковский, 2021

ISBN 978-5-0053-3197-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЕОМЕТРИЯ ПРОСТРАНСТВА

Вы замечали, что жители, выросшие в разных местах, своим поведением, мыслями и образом жизни отличаются друг от друга, даже если живут рядышком, съехавшись на шум, грязь и плохую экологию, поближе к супермаркетам и развлекательным центрам?

«Тоже мне открытие», – с усмешкой скажет пытливая читательница. – «Всегда с лёгкостью можно отличить коренного горожанина, к примеру, вон от той официантки: сразу видно, что она недавно приехала из какого-то небольшого посёлка, и это всем будет бросаться в глаза, пока город не перемелет её своими жерновами, не вымесит из этой муки тесто и не выпечет новую жительницу мегаполиса. С другой стороны, давно замечено, насколько проще и естественнее ведут себя жители больших городов, стоит им надолго уехать в деревню».

Но пожалуйста, не надо к моему простому вопросу примешивать давно известные теории о ментальности, проблемах образования, естественном отборе, окружающей среде или, скажем, диаграмму скоростей разлёта элементарных частиц в момент образования нашей галактики. Все они хоть и имеют косвенное отношение к предмету, прямо к нашему рассказу никак не относятся. Потому что о Том Самом Большом Взрыве никто толком не помнит и спросить не с кого. Любопытство моё скорее относится к образу мыслей: отчего же он такой разный, – все мы друг на друга как будто похожи, а одно и то же представляем себе почему-то неодинаково. И самый главный смысл каждый понимает по-своему.

Предлагаю вам своё объяснение. Не бог весть, но хоть что-то... Думаю, человека формирует то пространство, в котором он вырос. Привыкает человек и приспосабливается к нему – конечно, не совсем так, как к джунглям или, скажем, к жизни в горах. Нет. Подсознательно (хвала Карлу Юнгу). То есть геометрия окружающего пространства мысли человека мимоходом так формирует и обтёсывает, чтобы они, как в одежду нужного размера, втиснулись и ничего лишнее оттуда бы не высывалось. Особенно сильно пространство воздействует на нас в молодые годы, возможно, именно поэтому космополиты легче всего получают из молодых спортсменов, детей дипломатов и юных наследников больших состояний.

В маленьких селениях одна главная прямая улица, две-три мелкие и множество переулков. Такая же вся жизнь. По главной улице – в школу, на работу, по ней же тебя грустно пронесут, когда настанет время. В переулке твой дом, а в соседнем – девушка живёт, к ней можно после школы завернуть, а после незаметно для всех (все и так знают) сбежать к речке и целоваться там в зарослях ивняка. В генах навсегда закрепляется желание выбрать самый прямой путь – когда-то он может и длинней, но зато понятней и безопасней. Мысли людей, выросших в такой немудрёной геометрии, обычно извиваться не умеют.

Маленький городок тоже улицы имеет прямые, пересекающиеся строго под прямым углом, – он получил их в наследство от своего прародителя-посёлка. Но вот где-то недоглядели – кривой проулок случился, а там тупичок. В этом городке в стародавние времена на окраине стоял пивной ларёк, и к нему с разных сторон, в одну точку вело сразу пять дорог. Городок разросся, вместо ларька теперь «Пятёрочка», а перекрёсток дорог сохранился, и на нём больше всего аварий. На каждой дороге свой светофор, загадочно указующий, чья теперь очередь ехать: с третьей улицы – направо, с пятой – налево, а по второй и четвёртой в это время можно катить прямо. Но обязательно найдётся непонятливый, который решит, что зелёная стрелка разрешает ему повернуть на залапаном растворе ЗИЛке к цемзаводу. Тут как на грех подвернётся отъехавшая на глазастой микролитражке от магазина девушка. И даже дорожная полиция не очень понимает, кто прав – кто виноват, поэтому репутация того перекрёстка у водителей неважная. Люди из такого городка по большей части мыслят прямо, лишь иногда, понемногу привыкая к ударам судьбы в тупиках и на пятиулочном перекрёстке, начинают кривить душой и могут ненароком свернуть не туда.

В самых больших городах улицы извиваются как хотят, где-то змейкой, а кое-где и удавом. Попадаются проспекты, поражающие приезжего своей широтой и прямизной, но если влиться в поток автомобилей, здесь и там проваливающийся под землю в тоннели, или поднимающийся на эстакады, через несколько часов дёрганья по пробкам понимаешь, что едешь не туда, куда тебе надо, а туда, куда едут все. С этим новым знанием пытаешься свернуть в любую доступную сторону, и тогда, оторвавшись от прямизны проспекта, попадаешь в ажурную вязь улочек и переулков, которая была бы по-настоящему красива, если бы по такому узору прабабушка сшила себе кружева к выпускному балу в Смольном институте.

Каким изощрённым умом обладают жители таких загогулистых мест? Скажете – место не оказывает никакого воздействия? Или, как говорил один острослов: геометрия улиц отражается на геометрии извилин мозга? Не думаю. Извилины формируются не столько от ежедневной изобретательности, как в очередной раз обмануть стадо диких автомобилей, сколько средой обитания. Среда – она ведь у карасей одна, а у щук – другая, хотя водоём у них на всех общий.

Впрочем, пора приступать к рассказу. Однажды вечером в сквере...

Нет, так начинать глупо, потому что получается сухо и шаблонно и отбивает охоту читать дальше. А если ещё прибавить: «темнело», – станет совсем смешно и неподходяще для нашего серьёзного произведения.

Поэтому начну с подробностей: случилось всё в четверг, тёплым приятным июльским вечером, примерно в половине восьмого. День завершался, клонясь к вечеру, и солнце только готовилось к игре в прятки за верхушками многоэтажек. В сквере у памятника великому писателю Салтыкову-Щедрину лавочки оказались расставлены так, что если бы вдруг кому-нибудь пришлось в голову прочертить от них мелом линии по асфальту на несколько метров в разные стороны, то эти линии бы пересеклись и составили известную геометрическую фигуру, называемую равнобедренным треугольником. Забетонированная дырка в земле, возле которой некогда были определены эти сидячие места, в давние времена изображала фонтан и оттого сохранила вполне круглую форму. Правда, фонтан не только не действовал, но и утратил свою идентичность, то есть пару гипсовых лебедей, из клювов которых когда-то истекала вода.

Короче говоря, атмосфера вечера складывалась максимально подходящей не только по причине прекрасной погоды, но и укладывалась в определённые нашим рассказом строгие математические рамки. Включая украшения: квадратно подстриженные кусты, строго по линейке высаженные липы, ровный параллелепипед основания памятника и даже красиво округлую цифру температуры летнего вечера.

В основном скамейки пустовали: уже поздно для выпивающего вместо работы народа, рановато для пивной молодёжи и слишком рано для ночных гуляк.

Но на одной всё же сидел неприметный мужчина в кепке. Он был до такой степени неприметный, что сливался с пейзажем. Голуби, собирающие съедобные крошки, оставленные до него на этой скамейке компанией подростков, приблизились настолько, что главный сизарь попытался клевать шнурки, показавшиеся ему похожими на макароны, – те, что он обычно поедал на ужин из мусорного бака ближайшего ресторана. Неприметному мужчине пришлось обозначиться, отделиться от архитектуры и превратиться ненадолго в ожившее пугало. Он неумело замахал руками, попытался сурово топнуть ногой, – голуби сделали вид, что напугались, отпорхнули на пару шагов и продолжили искать что-нибудь съедобное неподалёку на асфальте.

Мужчина этот, кроме неприметной одежды и неприметной личности, жил почти незаметной для окружающих людей жизнью. Работа его обществу очень нужна, особенно востребована холодными зимами, хотя и летом все без исключения городские жители любят умываться тёплой водой, уж не говоря о том, что в горячей воде легче мыть посуду. Котельная, в которой

наш незаметный господин работал, была небольшой, она не входила в тепловую систему всего города, хотя зависела от неё полностью. Точно так же зависел от огромного количества выше-стоящего начальства наш скромный герой.

Я забыл вас предупредить, что в этом рассказе не будет имён героев. Достаточно назвать нашего первого героя Незаметный.

Так вот, начальства у нашего Незаметного хватало с избытком. Проще сказать, что подчинённых у него бывало не больше двух, да и то обычно в те времена, когда зимой одного подсобника перебрасывали в помощь с ТЭЦ, где всё давно автоматизировано, а на старой угольной котельной оборудование требовало постоянного ручного вмешательства. Кто-то подумает, что наш скромный господин, задавленный на работе извечными приказами и командами, «отрывается» дома и тиранит там свою не-смеющую-рта-открыть жену и сына-двоечника. Но дома у него всё обстоит несколько иначе. Жена ему попалась хоть и не красавица, немного старше его, зато тихая и ласковая, причём городская, а не деревенская, как он сам. Удивительно одно: куда невеста подевалась после свадьбы? На второй день, в ранге молодой жены какая-то очень внешне похожая на неё женщина раскомандовалась так, что вся родня со стороны жениха быстро уехала домой, в родную деревню, не дождавшись традиционной ухи.

А сынок нашего Незаметного вовсе не двоечник, как все подумали, а вполне твёрдый троечник и тиранить себя не позволит, поскольку со второго класса посещает секцию дзюдо. И после четырёх лет занятий с его весом в пятьдесят кило легко может продемонстрировать на вас бросок китити-таоши, что в переводе с японского означает «свержение мертвого дерева».

Наш незаметный герой в молодости был полон планов, в студенчестве его можно было кое-где заметить – он ходил на дискотеки, полюбил театр и музыку. Пристрастившись к походам на концерты, стал фанатом ДДТ, а после «запал» на устаревшую рок-классику типа Pink Floyd, Genesis и Bon Jovi. Сейчас это его главное и, пожалуй, единственное сохранившееся увлечение: он слушает музыку и собирает музыкальные диски. Пожалуй, немногие в наше время могут похвастаться подобным пристрастием. Некоторые непонимающие даже говорят: зачем, дескать, это собирательство? В интернете всё накоплено, всегда всё есть и постоянно обновляется новинками. Эти непонимающие не знают, что главное – не пластмасса с шершавыми звуковыми дорожками или пластиковый кружок с оцифрованной незаметными штришками лирой. Это – то единственное, что позволяет нашему Незаметному чувствовать себя заметным. Он помнит всех музыкантов по именам, он знает названия почти всех песен, он может подпевать им в любимых местах. Пускай не словами – они ведь почему-то на английском обычно поют, а он языков не знает – но помычать тоже приятно, особенно когда никто не слышит. А самое главное – никто в этот момент им не командует. Наоборот, возникает острое чувство сопричастности к коллективу, в котором он почти свой.

В это вечернее время Незаметный, когда работает в первую смену, обычно уже бывает дома. Как же он тёплым июльским вечером оказался так далеко от своей квартиры и любимой семьи? А случилось вот что. Сегодня к нему на работу прибыла делегация каких-то иностранцев. Привёл её начальник всех теплосетей города, а к ним примкнул губернатор. Пресса, всюду таскаясь за губернатором, сегодня получила воделенный информационный повод. Иностранцы оказались финнами, которые неплохо по-русски объяснили, что предлагают установить на старой котельной чудо-оборудование, новое слово техники, автоматизированное настолько, что вообще не требует присутствия человека, тем более – двух, то есть нашего Незаметного вместе с подчинённым. Процессом предлагается управлять с помощью компьютера из чистой комнаты, если Незаметный умеет, конечно. Пресса возбудилась и Незаметному пришлось дать первое в своей жизни интервью. Что он смог сказать? Что поступил на энергофакультет семнадцать лет назад и тогда о подобной технике в России только мечтали, а после окончания мечтать было некогда, каждый день приходилось работать лопатой, потому что горячая вода и тепло людям требуется не по выходным, а каждый божий день. И ещё доба-

вил про родные теплосети, которые про него вспоминают только когда случится авария. После уезда финнов с губернатором самый большой начальник теплотрасс сказал нечто такое, из чего Незаметный догадался: начальнику его интервью не понравилось.

Дома он оказался, как всегда, около шести, и надеялся отвлечься прослушиванием Билли Айлиш, но сегодня жена оказалась особенно не в духе и прихватила у него удлинитель, без которого в стенном шкафу, где наш незаметный господин устроил себе маленький музыкальный уголок, невозможно было включить аппаратуру. Этот стенной шкаф в конце коридора он занял сразу, как только они въехали в квартиру. Жене тогда было довольно имевшегося платяного шкафа и антресолей, и она не возражала. После он купил для её вещей ещё один большой шкаф, который поставили в комнату сына, а свою «музыкальную шкатулку» Незаметный тихонько сделал побольше, украв у коридора около полметра. После такого радикального увеличения площади там поместилось старенькое полукресло и появилась возможность добавить полки для дисков, – он начал коллекционировать ещё музыкальное видео и книжки о музыкантах. Его немного расстраивало то обстоятельство, что музыку приходилось слушать исключительно в наушниках, но, с другой стороны, в этом имелось своё преимущество – не слышно никаких посторонних звуков: ни телевизора, вечно орущего на всю катушку, ни голоса любимой жены и такого же сына.

К сожалению, сегодня жене показалось мало одного удлинителя, и она в который раз принялась пилить мужа своей любимой пилой. Все, абсолютно все без исключения её подруги уже съездили и на полную катушку отдохнули в Турции, а некоторые даже попали в Крым! Только она вынуждена каждый отпуск таскаться, как дура, в родную деревню мужа, где, как известно, даже коров не осталось – один навоз и древние, как пирамиды, родственники. Наш Незаметный обычно отмалчивался, потому что говорить было опасно: жена в запале могла ненароком задеть, а рука у неё тяжёлая (примерно одна десятая от общего веса тела, то есть около 10 кг). Но тут в вечно включенном телевизоре показалась финская делегация, затем губернатор с речью о благе народа, а после – невнятные слова, сказанные на камеру нашим героем, за которыми последовал комментарий: «осваивать новые технологии будут молодые специалисты, поскольку старое поколение не готово к новациям». Старому поколению недавно исполнилось тридцать пять, но никакого значения это уже не имело, потому что одна десятая была готова пойти в ход, удлинитель конфискован, из-за чего пришлось срочно прибегнуть к гениальному манёвру Кутузова: отступить, чтобы избежать полного разгрома.

И вот теперь он, слившись с окружающей средой, незаметно для всех сидел в сквере у памятника и думал о том, как нелепо тратит жизнь на пустяки: на однообразную неинтересную работу, вечно всем недовольную жену, на сына-балбеса, все интересы которого сосредоточились в спортивной секции и компьютерных играх с мордобоем. «А ведь мог бы научиться играть на гитаре, писать картины, сочинять музыку», – мелькнула в голове горькая мысль. Ещё он подумал, что мог стать уважаемым заметным человеком, каким-нибудь экспертом по котельным, на худой конец – просто главным энергетиком на большом заводе. Но не стал. Всё из-за того, что требовалось платить ипотеку, а ещё жене вечно хотелось то шубу, то новую кухню, то ламбутены и сапоги, и ему приходилось работать. Работать, не отказываясь от сверхурочных и переноса отпуска. Он не просился с древней котельной, потому что здесь доплачивали за вредность, он отказывался от курсов повышения квалификации, потому что тогда терял «вредную» доплату.

Внезапно внутри него возник внутренний голос, который, слегка прокашлявшись, резко и категорично заявил такое, от чего Незаметному стало страшно и одновременно очень легко. «Вот сегодня как раз тот случай, когда появляется шанс всё изменить», – сказал голос. – «Ты ещё не старый. Бросай всё, начни новую жизнь. Лучше всего – садись на поезд и поезжай туда, где тебя станут уважать. Где никто не знает, какой студень из тебя сделала жена».

«Да», – неслышно ответил он своему голосу, – «наверное ты прав. Во всём виновата жена. Если бы не она...»

«Именно, друг мой!» – с радостью подхватил голос.

«Постой, а как же сын?», – опомнился он.

«Ты будешь зарабатывать, станешь высылать деньги на новые игровые приставки», – мгновенно парировал внутренний голос. – «Больше ему от тебя давно ничего не нужно».

«Но он без меня не сможет стать чемпионом!»

«Он и с тобой никогда не станет чемпионом. Чемпионы все сплошь умные, как Чак Норрис и Ямасита, и непобедимые, как Моххамед Али и Костя Дзю. А твой даже писать толком не умеет в свои двенадцать лет! Ну давай, чего ты ждёшь? У тебя же паспорт в кармане!»

«А деньги? Как без них?»

«Слушай, ты в студенчестве сильно о деньгах задумывался? Разве что-то изменилось, когда тебе стало за тридцать? Неужели ты не хотел бы поменять всё, что у тебя есть, на общагу и восемнадцать лет?»

«На восемнадцать – да. Но мне уже никогда не будет восемнадцать!»

«У тебя в башке, там, где сейчас я», – доверительно сообщил ему голос, – «абсолютно всё то же самое, что было раньше. У тебя только в паспорте по-другому написано».

«Постой. А как же мои любимые диски? Там, в моём музыкальном шкафу, вся моя жизнь!», – горячо возразил он, удивившись самому себе: он никогда и никому прежде не возражал, даже самому себе.

«А смысл? – отрезал голос. – Ты что, решил после себя на этом свете кучу DVD оставить с написанной не тобою музыкой? Чужие слова из книжек про Beatles и Фредди Меркюри, которые даже сейчас почти никто не читает?»

«Может быть, есть что-то поважней, только я не знаю, что».

«Квартирка двухкомнатная?» – язвительно подсказал голос.

«Да нет, наверное», – ответил Незаметный тем исконно русским ответом, который всегда ставит в тупик иностранцев.

«Вот именно», – в отличие от них сразу понял внутренний голос. – «Ты не знаешь, что оставишь после себя. А я знаю! Девчонку тебе надо найти деревенскую, детишек с ней нарожать, и воспитать их без телевизора на родной земле. Настоящих живых детей, а не киборгов. Давай решайся!»

«Подожди, а уволиться, собраться, попрощаться?», – засомневался Незаметный.

«К чему эти формальности? Знаю я тебя, как родного! Пока собираешься – вся жизнь пройдёт. Решайся быстрее!» – взмолился голос.

Здесь мы оставим ненадолго нашего первого героя, пускай пообщается сам с собой, ему это удалось впервые за последние 13 лет. А мы пока посмотрим и оглядимся, нет ли рядом ещё кого-нибудь. И увидим другого мужчину, который проходил мимо, но остановился и присел на краешек бордюра бывшего фонтана. Теперь он задумчиво глядит на изображавшую водоём неглубокую лужу грязной застоялой воды внутри него, наполовину состоящую из окурков.

Этот молодой мужчина сильно отличается от Незаметного, буквально всем отличается. Заметить его можно сразу – он одет как будто неброско, но с окружением не сливается, наоборот – как будто на фоне плоской фотографии сквера фигура его объёмная. Ухоженный, обеспеченный, авторитетный, много знающий и почти всё понимающий – назовём его Блестящий.

Он глядел и думал: «Вот где-то в Чёрном море плавают бычки, а здесь в луже полно окурков, и они тоже – плавают, и тоже – бычки. Там живая природа, а тут – издевательство какое-то. Как мы живём? Бред какой-то, а не жизнь».

Природа такого философствования весьма проста: сегодня мужчина искал себя. Искал и не находил. Ему недавно «стукнуло» тридцать пять, но он почти ничего не мог вспомнить из своей жизни кроме работы, денег, девушек, отпуска и опять денег, отдыха, девушек и работы. Почему почти? Потому что именно сегодня, этим летним днём, особенно часто вспоминалась ему та, с которой он познакомился в одном из отпусков на юге, давно, лет десять тому назад. Познакомился, чтобы обаять и соблазнить, а сам почти влюбился – так ему тогда показалось. И девушка та тоже влюбилась – он в этом хорошо разбирался. Он не мог понять только одного: почему у них с той южной красавицей ничего не было? Совсем ничего, только лёгкие игривые, почти ненастоящие поцелуи, и постоянный обоюдный флирт, сводящий его с ума, выжимающий его к ночи до такой степени, что он клялся себе: завтра же познакомиться с любой другой, более отзывчивой и без комплексов. Но утром всё начиналось сначала: взаимные подколки, потом пляж, купание, кафе, прогулки, всякие слова «на грани», поцелуи, до грани не доходящие, шутки с намёком, обжигающие касания, искры в её глазах – и «доброй ночи» на прощание. И вновь полубессонная ночь, клятва всё это мученье прекратить и соблазнить по-быстрому какую-нибудь простушку, выпустить пар, пока крышку у котла не сорвало вместе с мозгом.

Они расстались с окончанием отпуска. Он – с явным облегчением, до того он устал от этих отношений. Про неё мы ничего не знаем, пускай эта тайна мучает тех читательниц, которые желают всегда всё про всех знать.

И хотя с девушками у нашего Блестящего быстро и привычно наладилось, он время от времени вспоминал Её. Хоть редко, но вспоминал. А вот сегодня совсем заела проклятая ностальгия, очнувшаяся из-за увиденной, очень похожей на ту южную красавицу девчонки. Безусловно, это была не Она, разве только если перенеслась из тех времён на машине времени: этой девчонке было ровно столько лет, как той – тогда, не больше двадцати двух или трёх. Наверное, именно это видение особенно задело нашего Блестящего, который смотрел на себя в зеркало не реже иных женщин и прекрасно видел, как на его лице проступает возраст и исчезают былые черты красивого молодого человека.

«Так нелепо тратить жизнь на пустяки!» – подумал он, но тут же возразил сам себе. – «Вся жизнь – один сплошной пустяк, я ведь не Черчилль и не Солженицын. У меня никогда не было глобальных целей. Я просто жил, просто работал, просто любил повеселиться. Я не ставил перед собой никакой особой цели, мне это всегда казалось чем-то диким: ставить перед собой цель на всю жизнь. Глупо и смешно воображать из себя кого-то значительного. Ради чего? Жизнь – короткий период существования маленькой частички материи, управляемой моим мозгом. Материя никуда не денется, когда мой мозг перестанет ей командовать, тут в чём-то правы индуисты, и перейдёт под чьё-то постороннее управление. Мой дух превратится в часть потока данных гигантской Вселенной: отделившись от меня, он станет набором вспышек света».

Снова вспомнилась та южная девчонка, которая ему очень нравилась. Ведь Она позволяла себя целовать – и он вновь и вновь проигрывал в голове ситуации, когда можно было как-то иначе сказать, не так поступить, по-другому посмотреть, наконец – упорствовать и настаивать. Он понимал, что ему просто был нужен другой финал их отношений, однако Ей этого оказалось мало. Ей нужно было от него что-то другое. Она ждала большего, чем мимолётный курортный роман.

Блестящий сидел боком на ограждении бывшего фонтана, левой рукой опершись на него, а правой нащупывал и бесцельно бросал кусочки раскрошившегося бетона в лужу, не стараясь куда-то попасть, машинально, просто в такт текущим мыслям.

«Тогда считал, что мне рано связывать себя серьёзными отношениями», – продолжил он свои размышления. – «Это сейчас, вероятно, уже нормально. Но тогда я привык к своей жизни, и мне не хотелось ничего в ней менять. Мне и сейчас не хочется: просто я понимаю, что надо,

пришло время. Иначе ради чего всё? Зачем все эти дома, машины, деньги, бизнес? Многие поэтому бросают, понимают, что не нужны лишние деньги и работа, их приносящая, невозможно это всё съесть и даже пропить. Начинают колесить по свету, фотографии немислимых мест в Инет выкладывают, находят в этом смысл. Но это – пустое. Мир можно исследовать, а себя не всегда найдёшь... Что же делать?»

В этот момент в кармане его зажужжал телефон, Блестящий достал его, прочитал на экране «Даша» и, не трогая кнопку ответа, отправил назад в карман. Телефон там ещё немного обиженно погудел и затих.

Блестящий, как пытливая читательница уже догадалась, выбрал этот ничем особо не знаменательный вечер для того, чтобы принять какое-то конкретное решение. Он так привык. Это было для него обычным делом, как в бизнесе: проанализировать задачу и принять решение, не оставляя «на потом». И никогда никому не стало бы известно, что Блестящий для себя решил, если бы не геометрия большого города, не позволившая девчонке-официантке избежать дороги через скверик возле памятника.

Присмотритесь, в этот момент мы увидим Её. Она – та самая официантка из ближайшего ресторана, которую пытливая читательница сразу заметила, как инородное тело в глазу или иголку в стоге сена. Конечно, очень подозрительно, что Она оказалась здесь именно в этот момент, когда две столь разные, но одинаково смятенные души пребывают в скверике у бывшего фонтана рядом с угрюмым памятником двуликому писателю. На самом деле сваливать ответственность на Его Величество Случай не стоит: почти каждую смену к нашей милой официантке именно в это время, в которое получался небольшой перерыв в работе, приставал старый козёл-администратор, родственник хозяина. Сегодня он совсем распустил руки, получил по противной лысой морде, а девчонка выскочила на улицу с явным намерением в ресторан больше не возвращаться.

Не будем отдельно описывать, какое впечатление произвело Её появление на нашего Блестящего героя. Для того чтобы вы представили это себе максимально ясно, придётся вам объяснить: именно эта официантка сегодня во время обеда пробудила в нём то сосущее чувство ностальгии и воспоминаний, которые привели Блестящего не в клуб, не в ресторан и не в объятия неизвестной нам Даши, а в сквер, подчиняющийся строгим математическим законам.

Девчонка присела на лавочку, благо здесь тихо и почти никого нет – лишь один мужик сидит на бордюре бывшего фонтана, видно, ждёт кого-то. (Браво, Незаметный!) Теперь ей надо обдумать, что делать дальше. В отличие от наших героев, она не стала заикливаться на рассуждениях о нелепой трате жизни на пустяки: сознайтесь честно, кто из вас занимался такой ерундой в двадцать два года? Мысли её гораздо более приземлённые, но от того не менее для неё важные. Она уже почти год живёт здесь, в этом городе, снимает квартиру на окраине и работает, где придётся. А где приходится работать красивой девчонке, если она не желает продавать всю свою красоту целиком и хочет отделаться одними руками? Попробовала продавщицей – не понравилось: руководство норовит списать огрехи неказистой торговли на персонал, бесправных приезжих девчонок. Попробовала менеджером по рекламе – не понравилось ещё больше: такой же продавец, только неизвестно что продаёшь. Сунулась было в офис-менеджеры – поняла, что одними руками тут точно не отделаешься, нужны ещё ноги, грудь, а после легко догадаться, что ещё. Теперь вот работала официанткой: немного веселей, немного денежней, но попался же этот козёл... Конечно, сложно рассчитывать на что-то серьёзное с её ускоренным образованием по бухучёту, тем более провинциальному и без опыта работы. Она и не мечтала, что ей повезёт с работой в Газпроме, просто оставаться в родном городке, где главная достопримечательность – перекрёсток пяти дорог, а работа только на цемзаводе или в «Пятёрочке» с зарплатой, меньшей чем дедова пенсия... Значит, опять надо искать. Хорошо, что лето. Летом работы больше. Летом хозяин её съёмной квартиры живёт на даче то ли под

Тверью, то ли в Лаосе, так что запас по времени есть, можно слегка платёж задержать, будет незаметно.

Надеюсь, что чувства, которые Блестящий испытал, увидев Её, до боли в сердце похожую на южанку-красавицу из своих воспоминаний, вам, дорогие читательницы, теперь понятны. Должно быть понятно вам также то, что оставить Её сидящей на лавочке в одиночестве он в своём состоянии никак не мог. И, как опытный профессионал, знал, как начать разговор.

– Девушка, не можете мне найти один важный ответ?

– Что вам нужно? – с тревогой спросила Она, немного уже перевоспитанная жизнью в мегаполисе. В больших городах у порядочных девушек нет привычки общаться с незнакомцами на улице.

– Знаете, я как-то на даче сделал скворечник, – начал он, присев на дальний конец её скамейки, чтобы не спугнуть. – Давно, лет пять назад. Но никто в этом скворечнике никогда не жил, не понравился он отчего-то птичкам. Покрутятся рядом, посмотрят – и улетают. Этой весной гляжу – сидит на крыше этого сделанного когда-то мною домика скворец и поёт. На всю свою скворцовую глотку заливается, и так, и этак разными трелями. Такой красивый! Я раньше не приглядывался, думал – они все чёрные. У молодых просто пятьдесят чёрно-серых оттенков, а мой скворец оказался зрелым красавцем. На крыльях прямо-таки воронёная сталь блестит, а на грудке перья – как костюм с отливом, изумрудами на солнце переливается. Ну, думаю, жалко-то как! Этого хорошенького тем более моё жалкое жилище не устроит. И правда, покрутился он немного, песни спел – и улетел. Такая меня досада взяла: ну, думаю, уж на этот раз я постараюсь, правильный скворечник сделаю. Лестницу приставил, и с дерева его снял. Только взялся новый выкраивать, досочки подобрал, инструмент, гляжу – летит мой давешний красавец, летит на знакомое уже ему место, и палочка-хворостинка в клюве. Решил заняться обустройством гнезда. Вы не представляете, как он расстроился! Сел на ветку рядом, где раньше скворечник висел, смотрит – нет домика. У него в глазах такая тоска, такое непонимание, он чуть не заплакал, ей-богу. Чистая правда, я сам не ожидал. Он даже запеть не смог, только хрипло что-то прочирикал, как-то гортанно сказал: «Курык-курык», видимо выругался, веточку выронил – и улетел.

– Для чего это вы всё мне рассказываете? – с немного меньшим подозрением спросила Она. Мужчина был явно неопасен.

– Наболело, захотелось с кем-то поделиться, а больше никого вокруг нет, – честно ответил Блестящий, он тоже не заметил нашего незримо присутствующего третьего героя. – Я такой же, как этот скворец. Дом у меня есть, но какой-то неказистый, раз до сих пор пустой и никакая подруга меня там не ждёт.

– Может быть, дело не в доме? – успокоившись, поддержала Она разговор. Блестящий был человеком приличным: она уже научилась распознавать серьёзных мужчин от одинаково с ними одетых пустышек.

– Я тоже так думаю, – с радостью подхватил он. – У одиночек настоящего жилья не получается. Вы меня понимаете?

– Ещё бы! Как не понять, – с иронией ответила Она, и он про себя отметил: торопиться не следует, девушка не только внешне походила на его старую южную любовь, она и характером оказалась похожа.

– Может, я неточно выразился. Я говорю, что внутри нас что-то утерялось. Мы разучились радоваться маленьким радостям, по-детски радоваться. От этого жизнь становится нудной, серой и неинтересной. И дом становится серым, скучным и пустым.

– За всех не говорите. У меня ничего не растерялось, всё хорошо и интересно, – ей даже не пришлось врать, уж чего-чего, а интерес в Её жизни хлестал через край. Особенно сегодня.

– И всё же. В чём смысл? Кажется – всё есть, даже больше чем надо. Что дальше?

– А что должно быть дальше? Ближе или дальше – та же жизнь.

– Нет, а самое главное? Самое-самое? – интересно, какого ответа ждал зрелый мужчина от девушки двадцати с небольшим?

– Да чёрт его знает! – в сердцах ответила Она, внезапно вспомнив о своих проблемах. И правда, как думать о великом, когда остался без работы. Этим мужикам в хороших костюмах не понять. Они не платят за квартиру треть зарплаты, у них есть свой дом. Они могут взять и легко проесть за вечер половину её зарплаты, и после этого мучиться в поисках какого-то идиотского смысла!

– Вот и я так думаю! – вдруг согласился Блестящий. – К чёрту великие смыслы. Вы в том ресторане работаете, я вас там видел. Не самое лучшее место. Хотите, я помогу лучше устроиться?

– Интересно, что вы можете предложить, – Она не могла не заинтересоваться, – но учтите, у меня регистрации нет, я на птичьих правах.

– Это, наверное, не важно, – скомкал он хорошее предложение. – Не знаю, не мой профиль. Завтра узнаю у нашего персональщика и перезвоню.

– Да, немного банально, – задумчиво сказала Она, – заканчивается всё тем же телефоном. Как красиво начиналось: одинокий скворец, главный смысл, а финал тот же – телефон, затем поужинать, переспать случайно не предложите?

– Ну зачем вы! Это не так! – расстроился он и совершил ещё одну ошибку. – Вы мне нравитесь, но помочь вам я хочу просто так. Неужели вы думаете, что просто так в жизни ничего не делается?

– Ладно, проехали. Считайте, что помогли. Кстати, в ресторане я больше не работаю. Прощайте, мне надо идти, – решительно поднялась она со скамейки.

– Пойдите, не уходите! Возьмите хотя бы визитку! Звоните, я правда помогу, – вслед за ней соскочил и наш Блестящий. Любовь его жизни второй раз ускользала от него, он не мог этого вынести, он буквально попытался удержать её за руку.

– Отстаньте вы со своей визиткой! – крикнула она, вырываясь.

К этому драматическому моменту мы с вами, уважаемые читательницы, совсем позабыли о нашем Незаметном герое, бросили его разбираться со своим внутренним голосом. А между тем он прекрасно видел, как к симпатичной молодой девчонке начал приставать мужик из породы тех современных наглых и отвратительных буржуев, которые уверились, что за деньги им можно всё. Поскольку Незаметный видел в своей жизни также множество девчонок, которых это вполне устраивало, он поначалу спокойно наблюдал за развитием событий из-под липы, со своего угла скамейки. Но как только понял, что эта девчонка – из породы настоящих (не о таких ли говорил недавно внутренний голос?), не этих современных, для которых переспать, всё равно что поужинать, его внутренняя готовность к переменам заставила совершить нечто для него невиданное.

Когда девчонка начала вырываться из лап негодяя, он воспринял это буквально как призыв о помощи и вступил на арену битвы. Блестящий поначалу не понял, какая сила отрывает его от земли и бросает на землю. Лишь очутившись прижатым лицом к пыльному асфальту, попытался сопротивляться, но какой отпор потомственный офисный работник может дать наследнику генов, закалённых в битвах за урожай! Незаметный одержал победу, но его триумф ничем не подкрепился: девчонка воспользовалась заминкой и под завесой дыма сражения тихо ушла, бросив дуэлянтов. Незаметный немного обиделся, хотя, если честно, чего он ожидал: что дама бросит победившему с поединке рыцарю свой платок и пригласит на торжественный ужин в замок короля?

К тому же оказалось, что адреналин не только дал Незаметному решимость для боя, не только помог одержать победу, но заодно переварил тревоживший и будораживший его весь вечер внутренний голос. Пыл нашего Незаметного без поддержки изнутри сразу угас,

чем не замедлил воспользоваться Блестящий: он вырвался из ставших некрепкими объятий, коротко бросил оппоненту: «Идиот!», – и резво покинул место сражения, лишь пару раз на всякий случай обернувшись.

Итак, пока мужчины разбирались между собой, Она ушла. Ушла строго по линии биссектрисы, если её мысленно прочертить от дальнего угла скамейки Незаметного через парапет фонтана, где сидел Блестящий, мимо памятника сатирику Салтыкову, язвительно надсмехающемуся над вице-губернатором Щедриным. Ушла, оставив призрачные перспективы и невероятные возможности валяющимися на асфальте вместе с их носителями. Она отправилась напрямик домой, нигде не задерживаясь, чтобы не нарваться ещё на какие-нибудь ненужные приключения (согласитесь, с ней сегодня довольно). В метро она вспомнила одноклассника, простого паренька из родного города. Обычного простого автомеханика, который никогда не пытался, как некоторые, залезть ей под юбку. Звонит всё время, спрашивает, когда Она приедет. Осенью, не раньше, так она ему пообещает. Раньше никак не получится.

Блестящий отряхнулся, достал из кармана вместе с ключом от машины мобильник, хотел посмотреть пропущенные вызовы, но мешала мысль: какие только глупости не приходят в голову от усталости! Между тем завтра пятница. Надо планировать, звонить девчонкам и предложить в выходные выезд на дачу, ближе к природе. Они не дуры, не откажутся. Можно ещё пригласить компаньона и убить двух зайцев: заодно в неформальной обстановке обсудить предложения китайцев заменить малазийскую поставку. Целых два дня можно хорошо повеселиться, и притом с пользой для дела.

Незаметный направился домой, по дороге ему позвонила жена, продиктовала, что купить в магазине. Завтра ему снова на работу в родную котельную. Пока администрация соберётся выделить деньги на новое финское оборудование, он там преспокойно доработает до пенсии. И обязательно успеет сегодня послушать Билли Айлиш. Интересно, что нового мир услышал в её песнях.

А мы на этом расстанемся со всеми нашими героями, потому что ни одному математику не под силу построить гармоничную фигуру из таких разных элементов.

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

*Она что-то особенное знает о себе,
Поэтому всё, что я могу – только думать о ней.
И в том, что я про неё узнаю, есть нечто такое,
Отчего я не хочу с ней расставаться.*
Джордж Харрисон, «Something»

Его мать очень хотела дочку. Поначалу просто хотела ребёнка, но долго не получалось, и все причины были до отвращения объективными: долго не могла выйти замуж, а после замужества случались какие-то постоянные ограничения. То муж-строитель уезжал в длительные командировки, то они переезжали с места на место, из одного города в другой, где бытовые условия оказывались не ахти. Совсем не помогало и то, что Роза вышла замуж поздно, а похвастаться крепким здоровьем не могла с детства. Наконец мужа перестали мотать по великим стройкам социализма и назначили в Главк в Москву. Тут всё стало хорошо. Всё стало соответствовать её представлениям, что должно быть у ребёнка. Однако и в Москве оказалось непростое, а когда наконец получилось, она без всяких врачей знала, что это её единственный шанс. Поэтому очень хотела девочку. Но родился мальчик. Обиднее всего то, что с таким личиком девчонка могла вырасти необыкновенной красавицей. Мальчику не мешает быть симпатичным, и она, конечно, любила его больше всего на свете, но в какие-то моменты немного жалела, что ей не повезло с дочкой.

Первые пять лет всё было прекрасно, мужа повысили, он уже работал на ответственном посту в Министерстве, за ним по утрам приезжала чёрная «Волга», они построили маленькую дачку... А дальше... дальше всё случилось настолько быстро, что Роза ничего не успела понять. Муж внезапно слёг с язвой, через пять дней уже смеялся и шутил, рвался на работу и, когда она в последний раз навещала его в больнице, прощаясь, сказал: «Хватит мне тут валяться. Дел полно, Олимпиаду надо строить. Сдадим объект – поедem в Крым. Не хочу соревнования смотреть, лучше мы с Женькой будем заплывы устраивать, а тебя судьёй назначим. Согласна?» Она, конечно же, была согласна. Но вдруг утром ей позвонили и сказали, что ночью у супруга случилось прободение, сильное внутреннее кровоизлияние, ничего нельзя было сделать, абсолютно ничего.

Её мир разрушился в одну эту минуту. Роза осталась одна, вернее – одна с совсем ещё маленьким сыном на руках. Все родственники далеко: её – в Белоруссии, в Могилёве, его – под Волгоградом. Женечку пришлось отдать в садик и устроиться на работу, благо педагогический диплом остался, а место в школе поближе к дому выхлопотали верные мужнины друзья.

Она любила его без памяти. Любила в нём сразу двух своих детей: настоящего мальчика и выдуманную девочку, жившую в нём; она была счастлива, что он такой умненький и красивый, но не отпускала его далеко от себя и всячески пыталась контролировать каждый его шаг. Кроме того, после скоротечной смерти мужа она панически боялась за здоровье сына. Питаться следовало «по науке», жить «по расписанию» и обязательно соблюдать все правила – не только выработанные за тысячелетия человечеством, но и свои собственные. Постоянная опека матери сказалась, и неудивительно, что Женя вырос робким и чувствительным, во многом – слишком правильным застенчивым мальчиком.

Однако время шло, мальчик вырос, неплохо закончил школу и легко поступил на филологический в МГУ. У Розы начались трудные времена: студенчество своей демократической средой поглощает и не таких застенчивых, как её сын. Никто не может знать, что сыграло большее значение, – её излишнее волнение за сына или застарелая болезнь, но Роза вдруг слегла

с сердечной недостаточностью и умерла всего за пару дней, пережив мужа немногим более пятнадцати лет, оставив сына-второкурсника совсем одного.

Женя был привязан к матери, всю его жизнь она жила рядом, но в девятнадцать лет гораздо легче пробовать стать независимым, чем в шестнадцать или семьдесят. Через какое-то время он вполне освоился в новой роли самостоятельного молодого человека, и студенческая среда в этом ему помогла. Признаться, огромную роль сыграла собственная квартира-«двушка» в центре столицы и дача, пускай небольшая, но зато в престижном «бывшем номенклатурном» посёлке. У него частенько собирались гости, иных звал он, иногда гости приходили сами. Как правило, это были компании однокашников – из группы, потока, курса, но постоянно появлялись новые лица. Парни приводили знакомых девчонок, девушки – своих подруг и парней, так что компании выпадали разношёрстные, из множества ВУЗов столицы, даже из актёрских.

Так однажды появилась она. Она представилась Ларисой, хотя Женькин приятель и одногруппник Серёга, в компании с которым она пришла, называл её томным именем Лора, а остальные, давно знавшие, – Лорик или Ларик. Лариса была красива: её чудное классически-славянское лицо и стройно-пропорциональная, далёкая от вызывающих «90-60-90» фигура притягивали мужские взгляды. Она была как конфета в красивой обёртке, хотелось эту обёртку поскорее сорвать, чтобы узнать, насколько соответствует этой внешней красоте вкус.

Содержание оказалось вполне под стать обёртке. Она училась где-то в энергетическом. Хотя репутация у института была «так себе» (в энергетический шли в основном все те, кто не попал в Авиационный, Бауманское, Плехановское, уж не говоря про МГИМО и театральные), Ларису нельзя было назвать хоть в чём-то ограниченной. В неё вообще все влюблялись с первого взгляда пачками. Все, но не Женька. Он влюбился после первых её слов, когда Лариса начала рассказывать о поездке на театральный фестиваль в Польшу. Очень необычная поездка: в те годы к полякам ездили за товаром, тогда же стало модно «закупаться» в Эмиратах и в Турции, а успевшие разбогатеть могли позволить себе поездку на отдых в Египет или даже на Канары. Но ехать в Гданьск на какой-то мало кому известный шекспировский театральный фестиваль, к тому же за свои деньги! Притом выяснилось, что Лариса – не москвичка, живёт в общежитии и подрабатывает, где придётся. И голос у неё необычный, удивительно низкий для очень не крупной девушки, с хрипотцой, мягко-обволакивающий и завораживающий. Так что получалось – внутри находилась конфетка ещё привлекательней, чем внешний фантик, пускай даже чрезвычайно симпатичный.

Как всегда, засиделись допоздна. Женя на завтра никуда не торопился, планами гостей вообще никогда не интересовался, потому не проявлял инициативы закончить вечер, тем более сегодня. Он уже год как научился курить, поэтому сидел, пыхтя сигареткой, и слушал Ларису, слушал других, говорил что-то, а сам украдкой поглядывал на неё. Она нравилась ему всё больше, она была удивительной девушкой, непривычно умной и необычно, не по-московски красивой. Женя понял, не только её красота его привлекала – больше притягивало как раз то, что она была не такой, как все. По крайней мере если сравнивать с теми, кого он знал близко.

Той ночью Женькин приятель Серёга, который привёл Ларису в гости, напросился остаться до утра, сославшись на очень поздний час. Они ушли в комнату матери, оставив его мыть посуду и слышать, как они там неприятно шумят и скрипят мебелью. Женя не стал им мешать так же, как раньше никогда не вмешивался в подобные ситуации, он к этому уже привык. Много раз его гости пользовались возможностью побыть наедине друг с другом где-нибудь в общежитии или в родительской квартире в их отсутствие, а у него в гостях. Все считали его «своим в доску». Отчасти так оно и есть. Кроме сегодня. Сегодня ему отчего-то было не по себе.

Он закончил приборку, спать совсем не хотелось, и, несмотря на сильно поздний час, Женя надумал попить чаю. Ещё именно сейчас стоило выпить аспирина: утром, когда наступит

похмелье, от него не будет толку, утром лучше рассол и зелёный чай. Он завозился с водой, чайником, газом на плите и не заметил, как в проёме кухонной двери появилась Лариса. От неожиданности он слегка опешил: она надела махровый халат матери, и первое впечатление было именно таким – мать встала, чтобы проверить, чем ночью занят её сынок.

– Угостишь сигареткой? – спросила гостя, а он вместо ответа только мотнул головой в сторону стола, где у массивной хрустальной «министерской» пепельницы советского ещё производства лежала початая пачка «Союз-Аполлона».

Она вытащила сигарету, щёлкнула зажигалкой, отошла к окну, курила и глядела сквозь стекло на ночной город, стоя к нему спиной и выдыхая дым в открытую форточку. Женя тоже выудил из пачки сигарету, прикурил, и, ощущая необычное волнение, подошёл и встал рядом. Внизу, как следы трассирующих пуль, пролетали огни автомобилей и исчезали в ночи.

– Почему не спишь? – спросила она. – Мы тебе помешали?

– Нет, не помешали. Просто не хочу, – пыхтя сигаретой, ответил он. Курить совсем не хотелось. – У меня такое часто бывает от большого количества алкоголя. Немножко выпьешь – спать хочется, а если больше...

– И у меня, – согласилась она. – Кстати, я тут халат нашла, ты не против?

– На здоровье. Это материн.

– А где она?

– Умерла.

– Прости.

– Ничего, – он, не докурив и до половины, затушил сигарету и спросил. – Чаю хочешь?

– Давай. Пить хочется. Ты извини, что мы так нагло, – легко, как будто говорила о чае, сказала она. – Просто у меня давно не было, сильно хотелось... Сначала на поездку зарабатывала, потом у поляков долго была. Тут Серёжка подвернулся, старый знакомый... Ты один живёшь?

– Один. Отец ещё перед Московской олимпиадой умер, я его плохо помню.

Когда она коснулась его плеча своим, он почувствовал будто ожог, но не огнём, а такой, как бывает от прикладывания льда: сначала холодно, а после этого – жар, возникающий где-то внутри и растекающийся по всему телу.

Потом они пили чай, разговаривали о театре, о книгах, о музыке, о жизни, обо всём, кроме цен, политики и учёбы. Они извели все сигареты, Женя несколько раз подогревал чайник. Опомнились, когда за окном стало светать, чуть-чуть белеть вверху промозглого осеннего неба. Странное ощущение: ещё вчера они даже не были знакомы, но сейчас Женя чувствовал себя так, словно с раннего детства жил с Ларисой где-то рядом, и они просто ненадолго расставались. Ну конечно, она ведь ездила на фестиваль в Польшу. Или на каникулы в деревню. Или в стройотряд – неважно куда, главное, что до этого они виделись совсем недавно, почти только что.

Несколько часов спустя, провожая гостей, он пробормотал, обращаясь именно к Ларисе (Серёгу он, если б захотел, мог увидеть прямо сегодня на лекциях, но ехать в университет не собирался).

– Всегда рад видеть. Заходи.

Он не видел её долго, почти целую вечность – больше недели. Спросить о ней кого-то из общих знакомых постеснялся. Накануне неумолимо приближавшегося очередного воскресенья друзья придумали собраться у Жени, чтобы отметить день рождения Боба. Впрочем, подобное не являлось уникальным событием: во-первых, сбор в квартире намного дешевле любой кафешки, во-вторых, хозяин любил хорошие компании, а в-третьих – чужие праздники отличались от обычных посиделок тем, что кухонные и бытовые проблемы брал на себя именинник, рекрутируя в помощь знакомых девушек. Тогда-то Серёга и предложил Бобу: «Давай

Лору позовём. Она умеет обалденную пиццу испечь и шарлотку с яблоками. Твои чувихи салатов нарубят, остальное готовое купим».

День рождения прошёл весело несмотря на отсутствие самого именинника, внезапно слёгшего с высокой температурой от какого-то ретро-вируса. Женьке было жаль одного: гости выпили чересчур много и были почти не в состоянии передвигаться, поэтому выгнать их он не мог. Хотя надеялся, что Лариса хотела остаться, поболтать с ним наедине. Жаль, сегодня это совершенно невозможно: везде вповалку спали друзья и подруги, переутомившиеся от празднования именин болезного Бобы.

Зато он догадался пригласить её в следующее воскресенье подышать воздухом на дачу. Персонально, без толпы и прочих любителей «сесть на хвост». Залез в НЗ (отложенные на лето триста долларов), изъязл оттуда сотню, прикупив сладкого кипрского вина, молдавского коньяку, фруктов и большущий кусок поросёнка. Всю дорогу в электричке смотрел на неё влюблёнными глазами, пока она пересказывала случайно виденный у кого-то на видике фильм Бергмана «В присутствии клоуна». Она рассказывала негромко, он почти ничего не слышал, потому что её голос перебивал шум моторного вагона, в который их угораздило сесть, перестук колёс и гомон пассажиров, но не просил говорить громче – ему даже почти немое кино очень нравилось, особенно изображение.

На даче их ждал порядок. Хорошо, что мама приучила всегда оставлять дом и баню чистыми, чтобы не приходилось начинать отдых с уборки. Пока он топил печь в бане, Лариса чудесно приготовила мясо, не разрезая его на маленькие части, всем куском. Мясо оказалось сочным, пряным, только с перцем Лара немного переборщила.

– Вкусно? – спросила она.

– Нормально, – ответил он, – перца только немного не хватает.

Они смеялись как ненормальные, не могли остановиться. Тривиальный «Белый аист» с этим мясом казался превосходным, почти божественным напитком, ни капельки не хуже какого-нибудь хорошо выдержанного «Хеннесси».

«К месту» выяснилось, что Лариса любит баню, любит попариться. Она сразу забралась на самый верхний полоч и долго сидела там, покрываясь, как росой, капельками пота. Женька не был таким стойким, несколько раз сбегал ополаскиваться прохладной водой. В очередной раз вернувшись в парилку, нашёл её не завернутой в простыню, а лежащую не животе, скомканная простыня лишь кокетливо прикрывало самую мягкую часть её прекрасного тела. Он с радостью откликнулся на просьбу «хорошенько пропарить»: поначалу нагнал пар, лишь чуть-чуть касаясь краешком веника её белой кожи, после начал размахивать всё сильнее, трижды плескал на каменку – жара стояла несусветная. Лариса ни разу не пикнула, и он хлестал по-настоящему, как привык париться с друзьями. Женька думал, что она его остановит, но вышло по-другому: первым не выдержал сам и позорно сбежал обливаться холодной водой, а она ещё долго лежала, «ловила кайф».

Баня, кроме пара, предполагает ещё и мытьё, и Женька постарался побыстрее помыться, чтобы освободить моечную Ларисе. Но вышло иначе. Она сказала: «Парить ты умеешь неплохо, хотя до мастеров жанра тебе далеко. Проверим, как ты умеешь мыть. Потри мне спинку, пожалуйста». Пробормотав в ответ нечленораздельное согласие вроде: «Об этом я мечтал всю свою сознательную жизнь», он мылил её чудную спину, мягкие округлости, уже не скрывавшиеся под простыней, округлые неширокие бёдра и стройные идеальной формы ноги. Уж пора было смывать пену водой, а он никак не мог оторваться, всё мылил и мылил эту красоту, стараясь не касаться её тела руками, а только мочалкой, словно боясь, что от его прикосновения что-то изменится, что пропадёт очарование, что она вся вдруг пропадёт. А Лариса, пробормотав: «У тебя неплохо получается, продолжай дальше», – внезапно для него перевернулась на спину.

Перед Женей открылась самая красивая из всех когда-либо виденных им даже на картинах и фотографиях женская фигура, идеально пропорциональная, с плавными, нигде не срывающимися в резкие повороты линиями, которые все вместе образовывали единую неповторимую гармонию. У неё на теле не было ни единой волосинки, отчего она казалась вытесанной искусным скульптором из цельного куска мрамора. Только сквозь блестящую от банного пара мраморную кожу местами проступали чуть пульсирующие розовые кровеносные сосуды, как будто статуя чудесным образом начала оживать. Он очень осторожно, словно боясь смыть мылом это красоту, мягко начал водить мочалкой от шеи через холмики грудей, опускаясь к маленькой опрятной ямочке пуповины на животе. Лариса поначалу расслабленно лежала на полке, но в какой-то момент подняла руку и развязала некрепкий узел полотенца, кое-как висевшего у него на бедрах, отчего оно, не имея больше почти никакой опоры, упало к ногам...

На этом баня закончилась, закончились не начавшись прогулки на свежем воздухе, закончилось всё, кроме ласк. Остаток дня они провели, не отрываясь друг от друга.

– Женечка... ты такой нежный... и имя у тебя мягкое, лаковое, – нащёптывала она, теребя пальцами его тёмно-русые волосы. – Не то что у меня, щетинистое какое-то. Все это понимают, вот и придумывают уменьшительные. Один чудик даже Ирисой называл, приторно слегка, но всё лучше, чем Лариска. Бр-р-р, крыса какая-то, а не имя.

– Мать хотела дочь, поэтому так назвала. Немного есть имён, которые мужские и женские одновременно.

– А она что, прямо рассказала тебе, что хотела девочку?

– Да.

– Ну и дура. Прости, конечно. Просто это неправильно, комплекс неполноценности у ребёнка развивать.

– Вроде не развился. Ты, кстати, откуда это взяла?

– Я хотела на психологию к вам, в МГУ, но недотянула, много недотянула. И поняла, что вряд ли у меня получится в следующем году или когда-то ещё... Мне просто надо было в Москве остаться. Вот и осталась.

– И на кого ты теперь учишься?

– А-а, – махнула она рукой. – Это неважно. Домой нельзя возвращаться, понимаешь?

– С родителями что-то не поделили?

– И с родителями. Потом расскажу. Может быть.

У них случилось что-то наподобие медового месяца, изредка нарушаемого необходимостью ехать в институт и университет, слушать какие-то лекции, делать какие-то задания и лабораторные работы. Ещё Лариса через день трудилась в «Макдональдсе», а Женя прибил к избирательному штабу какого-то очередного кандидата на выборах в Мосгордуму. И котлеты, и избирательная возня были одинаково искусственными и противными, но как-то нужно было добывать деньги.

Поругались они на пустом месте.

– Давай жить вместе, – предложил он. – Ты и я. Если хочешь, поженимся.

– Это ты мне так предложение делаешь? – хохотнула «невеста».

– Да, – не поняв её веселья, серьёзно ответил Женя. – Я тебя люблю, и мне бы хотелось, чтобы ты больше никому и никогда не принадлежала. Только мне. Ты не против?

– Если не принимать в расчёт кое-какие мелкие несущественные детали – нисколько.

– Вот и чудесно! Когда будешь переезжать? Давай сегодня!

– Ну подожди, Женечка! Я ещё не сказала.

– Но ты не против? Я не понял.

– Нет, не против. Но я говорю: есть некоторые детали.

– Давай быстро разруем все детали!

– Боюсь, быстро не получится. Давай пока оставим всё как есть.

– А сколько нужно времени «мелким несущественным деталям»?

– Даже не знаю. Год. Может, два.

– Целый год? Может быть, ты просто хочешь оставаться свободной? Встречаться с кем хочешь, спать с кем хочешь?

– Ну зачем ты, – попыталась сгладить она, но он уже распалился.

– Конечно! Захотела – туда, захотела – сюда. А тут будет муж сидеть, ждать, докучать и контролировать.

– Не надо, Женечка, – попыталась она его приобнять, но он вырвался. – Ты даже не представляешь, как бы мне самой этого хотелось. Но пока никак не выйдет. Я тебе обязательно когда-нибудь объясню.

– Не надо мне ничего объяснять. Я и так уже всё понял.

Ему самому было смертельно неприятно, что он поругался с любимой девушкой, любимой до такой степени, что он не представлял себе никого другого на её месте. Лариса заняла всё пространство, отведённое в его душе под категорию «любовь». Ссора плохо отразилась на их отношениях. Она всё так же продолжала приходить к нему, чаще в компании с кем-то, иногда даже одна. Но они никогда не спали вместе. Лариса как будто демонстративно его наказывала, а он и понимал, и не понимал, за что.

Так наступила зима. Однажды она пришла не с друзьями и не одна, а с подружкой. Подружка назвалась Леной. Лена была зажигательно смешливой, весёлой и раскованной. Выпили пару бутылок вина, потом какой-то ликёр, после него допили остававшийся на доньшке от какой-то из последних дружеских посиделок коньяк. Чудесно поговорили, Лариса была, как всегда, неподражаема, в пух и прах разнесла недавнюю премьеру «Ленкома», саркастически высказывалась об игре своего любимого Абдулова, высмеяла вялую и «спящую на ходу» Захарову. Об институте, учёбе и общих друзьях как будто забыли, с удовольствием слушали Лену, её рассказы о любовниках-неудачниках. Темы взаимоотношений Лары и Жени не касались.

Засиделись допоздна. Как обычно и бывало со всеми гостями, Женя отправил девушек в бывшую мамину комнату. По старой привычке пошёл в ванную первым, чтобы не мешать гостям делать всё, что им захочется, и не слышал, как Лена сказала подруге:

– Клёвый парень, симпатичный. Неужели тебе не нравится?

– Нравится, – лаконично ответила Лара.

– И ты что, будешь со мной на одном диване толкаться? К нему не пойдёшь?

– Нет.

– Ну и дура. Тогда я пойду, если ты не против.

– Не против. Иди.

Лена ушла, но довольно быстро вернулась.

– Лорка, он тебя любит.

– Я знаю.

– И что?

– Я тоже его люблю.

– Вы оба чокнутые какие-то! Чего тебе ещё надо?

– Много. Не мельтеши, ложись. Завтра новый день. Завтра что-нибудь ещё будет. Если будет завтра.

– Будет, куда оно денется. Сегодня уже завтра. Почти три часа завтра.

– Тогда послезавтра. Если считать от вчера.

Это и есть настоящая любовь: помириться можно ещё быстрее, чем поссориться. Всего-то нужны несколько слов, и никаких объяснений, типа «в этом всё дело» или «я думал, так будет лучше». Женя сказал: «Прости. Я тебя люблю. Мне без тебя плохо». И всё. Вернулась прежняя любимая и ласковая к любящему, нежному и заботливому.

– Давай уедем отсюда. Насовсем, – в первый день Нового года вдруг сказала она.

– Куда?

– Всё равно. Просто отсюда. Чтобы все вокруг говорили на непонятных языках. Чтобы только мы могли понимать друг друга.

– А тебе не надоест?

– Мне – нет.

– А как жить? На что? Чем-то надо заниматься.

– Везде можно что-то придумать. Хотя... с твоими богатствами. Квартира поди на кучу зелёных потянет. Даже просто в аренду сдавать – уже на жизнь хватит.

– С тобой – я не против. Но как всю жизнь болтаться по свету? Не надоест?

– А кто знает – сколько её, жизни. Может, она завтра закончится. Я потому стараюсь жить сегодня. Когда-нибудь наступит день, после которого не будет никакого «завтра».

– Знаешь, сегодня мне очень-очень хотелось бы, чтобы никакого завтра не было. Чтобы было вечное сегодня, чтобы жить твоей сегодняшней красотой, нашей сегодняшней любовью.

– Сегодня нам хорошо. Но «сегодня» рано или поздно закончится. И тогда может начаться проблема с «завтра».

– Когда-нибудь обязательно. Но не завтра и не послезавтра. Ты знаешь, я не верю в бога. Я верю в судьбу. Но не в какую-то мифическую марионетку, которую кто-то дёргает за невидимые верёвочки, а в цепь случайных событий. Но многие из этих событий определяем мы сами! И каждое происходит из-за какой-нибудь абсолютно определённой причины. И причинами вполне можно управлять, в какой-то мере. Поэтому мне кажется, что завтра обязано наступить, если мы постараемся.

– Наверное. Обычно так и бывает. Но иногда не получается.

Женя не обратил внимания на эти с тоской сказанные слова. Он тогда на многое не обращал внимания. Он был настолько рад, что Лара опять с ним, что не обращал внимания ни на учёбу, ни на бытовые неурядицы, ни на ежемесячно дешевевшие деньги, ни на то, что даже этих дешёвых денег иногда просто не было. Ему ничего не было нужно в жизни, кроме этой девушки.

А Лариса оставалась по-прежнему независимой и могла исчезнуть куда-то, пропасть на несколько дней и даже на неделю. В общаге Жене никто ничего сказать не мог, знакомые ребята из её группы тоже понятия не имели, где она. Она появлялась как ни в чём ни бывало, ласковая, весёлая и всегда острословная. О своём отсутствии разговоров не поддерживала, со временем Женя и к этому привык, хотя продолжал ездить в к ней в общежитие, предполагая, что иногда ей просто некогда приехать к нему на Белорусскую. Однажды, в очередной раз не найдя Ларису, он случайно встретил Лену, ту самую, что приезжала однажды к нему в гости. На его вопрос, где поискать любимую девушку, Лена со смехом ответила:

– Все вы, ухажёры, одинаковые. В постель девчонку затащить – мастера, а вот что в результате получится, не ваше дело.

– Чего ты смеёшься! Скажи толком!

– Скажи ещё, что не знал, – ляпнула она. – Сделал девушке ребёнка, и не заметил. В больнице она, аборт делает. Через пару дней увидитесь, но – уж извини – заниматься *этим* какое-то время ей будет нельзя. Можешь меня пригласить, я всегда на скамейке запасных.

– Пошла ты ... – выдохнул Женя грубо.

Лариса объявилась, как всегда, внезапно. Когда он открыл дверь, она пропела битловское: «I don't know why you say goodbye, I say hello!» («Не знаю, почему ты говоришь прощай, я говорю – привет!»), протянула ему бутылку какого-то вина и полезла целоваться.

– Женечка, как я соскучилась!

Он был, конечно, рад, но всё испортил знанием инсайдерской информации. Они поссорились, и Женя сам не ожидал от себя такой резкости. Известно, что позже он сильно корил себя за это.

– Говоришь, что любишь, а сама.. Замуж за меня не хочешь, ребёнка не хочешь. Я с тобой абсолютно честен. Я тебя люблю, а ты...

Подробности этой их последней ссоры пересказывать незачем, неприглядная это история. С одной стороны, можно понять парня, а с другой – очень уж личное и интимное было для Ларисы дело. Непонятно только, как можно, имея в душе огромную настоящую любовь, допустить такое. Допустить им обоим, хотя он знал, что виноват больше.

Она больше не приходила. Ни в компаниях, ни одна. Женя тосковал, но проявлял непонятную твёрдость, не спрашивая о ней общих знакомых, не ездил в общагу в Лефортово. Порывался, но не ездил. Может быть, ему казалось, что таким образом он окончательно превращается из застенчивого опекаемого женщиной ребёнка в настоящего самостоятельного мужчину. Никто этого не знает. Так прошло несколько месяцев. Пришла весна и тепло. Было много забот на факультете, в учёбе, при этом он хватался за любую работу, лишь бы заполнить пустоту времени. Посиделки у него дома по-прежнему случались, может быть не так часто, как раньше, но случались.

Вот на такую вечеринку однажды пришла она. Пришла с Серёгой, в точности как в тот день, когда он в неё влюбился. Она вела себя странно, необычно. Была грустна, лишь изредка вставляя язвительные комментарии чужим словам, даже ругалась неприлично, что вовсе резало Жене ухо. Но главное случилось после застолья. Гости разошлись необычно рано, но Серёга настойчиво напросился остаться. Он остался сидеть перед столом с остатками пиршества, тупо глядя, как ветер колышет занавеску на балконной двери. В этом был какой-то абсурд. *Его* любимая Лариса пришла с *его* другом к нему домой и сейчас в *его* постели! Это было похоже на демонстрацию чего-то, она явно что-то этим хотела сказать, но в тот момент он не понимал, что именно. А ведь на словах она всегда говорила ему, что любит. Любит только *его*. Если бы Женя мог, он бы взял ружьё и убил и её, и Серёгу, и себя. Но у него не было не то что ружья, в доме вообще никогда не водилось никакого оружия, даже топора, даже охотничьих ножей, только столовые. И дело вовсе не в оружии – он просто ни при каких обстоятельствах не был на такое способен. Он не только не мог убить Ларису, сейчас он не мог её даже простить. Ему было очень плохо. Пока он переживал в себе эту безвыходную ситуацию, всё кончилось. Серёга зашёл в комнату уже одетый и сказал с виноватой кривой усмешкой:

– Прости, старик, не удержался. Это Лорка захотела.

– Да иди ты! – больше Женя ничего сказать не смог.

Тут Лариса, абсолютно голая, вышла из ванной и, блестя белым мраморным телом, нисколько не обращая внимания на обалдевших Женьку с Серёгой, прошлёпала мимо них к столу, нашла сигарету, прикурила и вышла через открытую дверь на балкон.

Она стояла и смотрела вниз, опершись на перила, неподвижно, как статуя, которой мальчишки-хулиганы сунули в мраморную руку зажжённую сигарету. Сигарета тлела в белой руке, пепел падал вниз, рассыпаясь по пути к земле в прах. В почти абсолютном безветрии восходящим потоком тёплого воздуха откуда-то принесло пластиковый пакет и он, торжественно колыхаясь, медленно поднялся до восьмого этажа и несколько задумчиво завис напротив балкона. Лара единственный раз затянулась и пустила ему в помощь струйку дыма, тогда он, словно обрадовавшись этой поддержке, шевельнулся поживей, поймал ещё один восходящий поток и полетел всё выше и выше, пока не сравнялся с крышей многоэтажного муравейника и не исчез в темноте.

Она проводила его взглядом, потом швырнула бычок сигареты вниз, посмотрела, как он внизу взорвался хорошо различимым в сумерках маленьким снопом искр, и вернулась в комнату к оцепеневшим от зрелища друзьям.

– Счастливо вам, мальчики.

– Ты уходишь? – спросил Серёга.

– Да. Ты прости меня, Женечка, – она подошла и обняла его, крепко прижалась к нему, что он ощутил знакомый запах её тела, шепнула. – Прости, моя единственная настоящая любовь. Будь счастлив... Серёжа! – повысила она голос, – принеси мне одежду и идите отсюда. Оба. Вы что, голой меня никогда не видели?

Парни вышли из комнаты и двинулись на кухню. Женя подошёл к окну, машинально взял сигарету, щёлкнул зажигалкой, и тут вдруг увидел, как в наступающей темноте сверху вниз полетела будто большая белая фарфоровая ваза. Он дёрнулся вперёд, чуть не разбив лбом стекло. Ему не померещилось, и это не был мираж: вниз летела Лариса, расслабленно, с закрытыми глазами, казалось, будто она спокойно спит. Он закрыл руками лицо и весь сжался, ожидая услышать звук разбивающегося на мельчайшие кусочки фарфора, но вместо этого раздался мягкий чавкающий удар. Если бы его тогда спросили, что он делает, он бы даже не понял вопроса. Он не думал, он не понимал, что делает. Он просто помчался вниз через три и даже четыре ступеньки. Вниз, туда, где на земле лежала его Лариса. Она не разбилась на мелкие кусочки, она даже походила на себя, на такую, какой была всего несколько минут назад: на прекрасную мраморную статую. Она надела только трусики, новомодные почти незаметные стринги, и лежала обнажённая, красивая, но уже мёртвая, как пожухлая прошлогодняя трава, на которую она упала.

Он смутно помнил, что было потом. Милиция, дознаватели, какие-то кабинеты, вопросы, на которые он не помнил или не знал ответа. Он плохо понимал, что происходит, хотя на него нешуточно давили и запугивали, угрожая разного рода несчастьями, если он в чём-то срочно не сознается. Но никакие несчастья его не пугали: главное, непоправимое несчастье, уже случилось, и хуже ничего быть не могло. Внезапно давление на него ослабло и его отпустили. Он вернулся домой, в пустую страшную квартиру, где каждый уголок напоминал о ней. Ему внезапно захотелось продать эту квартиру, переехать в любую другую, лишь бы не наткнуться взглядом на предметы, которые она держала в руках, на кружки, из которых она пила чай, на кровать, где они вместе спали.

Через несколько дней его известили, что дело о самоубийстве закрыто, претензий к третьим лицам органы следствия не имеют. Продать квартиру Женя не решился, это была не только его квартира – здесь, кроме памяти о убиравшей себя любви, хранилась память о его родителях. Прежде всего о маме. Он максимально загрузил себя учёбой и работой, домой приходил только ночевать. И если работа не приносила ничего, кроме денег, учёба по капле добавляла понимание, а заодно отличные оценки и уважение преподавателей. Он ходил в театр, никого не приглашая в свою компанию, один. Смотрел всё подряд, заделался знатоком, начал писать рецензии. Со временем их заметили в интернете, его пригласили стать штатным театроведом сразу несколько приличных журналов. Через год он получил диплом. И хотя обложка не имела красного цвета – на первых курсах в зачётку попадало много «троек» – его пригласили в аспирантуру. Правда, платную. С этим обстоятельством удалось непринуждённо справиться: он продал дачу, на круто взлетевшей волне нефтяных цен получил за престижный участок кучу денег. Дача оказалась не нужной, он не съездил туда ни разу после поездок с Лорой.

Работу о сравнении стилевых черт театральных режиссёров и жанровой специфике используемых ими в постановке пьес Евгений защитил через два года, став в двадцать шесть кандидатом наук, ещё через два года занял должность доцента. Ему не очень нравилось преподавание, зато это занятие давало много свободы: больше, чем на ставку, он часов не брал, постоянно стараясь увильнуть в сторону уменьшения нагрузки.

Он продолжал свои театральные походы до тех пор, пока не понял, почему и зачем сюда ходит. Театр всегда был особенной страстью Ларисы, а потому проведённое в театральных спектаклях время становилось временем, проведённым с ней. Когда он это осознал, театр для

него закончился. Закончились рецензии на спектакли. Он нашёл новое применение своим филологическим способностям, когда на кафедру поступил запрос на экспертизу. Запрос был из Следственного комитета, страждущих братья за него не объявилось, а вот он взялся. С тех пор стал почти штатным экспертом, к его услугам обращались регулярно.

Однажды ему позвонил молодой следователь и попросил о встрече. Личной, неслужебной встрече, – извиняющим тоном умолял он. – Если у вас найдётся время. Неофициально, в любом кафе. У меня к вам несколько вопросов, а если согласитесь, то и предложение, – сказал он и добавил. – За мой счёт. Усмехнувшись последним словам, Евгений согласился, вечера теперь у него всегда были свободны. Следователь, суется и краснея, сознался за коньяком, что мечтает писать криминальную прозу. Для начала рассказы, благо материала в архивах полно. Следователю, представившемуся Игорем, возраста был примерно такого же, как Женя, работать он начал буквально пять лет назад. Учиться на юриста пошёл, как ни удивительно, не под влиянием Конан Дойла или Бориса Акунина, а начитавшись «Записок следователя» советских времён Льва Шейнина. Он просил помочь литературно. Не совсем по адресу, – признался Евгений, хорошо понимая разницу между литературой и публицистикой и тем более – официальным заключением экспертизы. – Вам надо учиться в литературном институте. В крайнем случае, писательские курсы пройти. – Игорь понимал, но честно сознался, что его страшит перспектива начинать с нуля, хочется предварительно поработать хоть что-то, набить руку. – Я написал несколько рассказов. Не согласитесь почитать? Вас я давно знаю и приму любой, самый критический отзыв. Укажите на нестыковки, нелогичность. Поправьте, если сможете, я оплачу вашу работу. – Так он продолжал свои просьбы и стенания, пока Женя не согласился посмотреть. Бесплатно. Только один раз. Я очень занят, – соврал он.

Свои рассказы Игорь привёз ему на работу, напечатанными, прямо на кафедру. Не захотел отправлять по электронке, хотелось солиднее. Ему так казалось, что на бумаге гораздо солиднее. Вечером Женя взялся читать. Кроме явного пересказа реальных уголовных дел в рассказах следователя не нашлось ничего цепляющего. Не было интереса, без которого чтение можно прервать в любом месте. А можно и не начинать вовсе. Хорошо, что пачка листов тонкая – пять-шесть немудрёных рассказов на двадцати листочках – скоро мучения закончатся. И вдруг, в следующем, непритязательно названном «настоящая любовь», повествование о девушке, прыгнувшей с балкона из-за несчастной любви. Следствию поначалу представилась картина отвергнутой любви, потому что девушка решила на смерть почти полностью обнажённой, подозревали любовника. И только после найденного в её вещах письма всем стала ясна личная трагедия.

Письмо следователь Игорь явно списал с оригинала, настолько оно не походило на его корявый стиль. Казалось, вся кровь прилила Жене в голову, когда он понял, что читает письмо Лоры, адресованное ему.

«Мой милый, дорогой и единственный», – начиналось письмо. Имя не было указано, но Женя понял, что предназначалось оно только для него.

«Для меня всё закончилось. Прости меня за то, что я сделала с собой и с тобой. Этого никогда бы не случилось, если бы не одна мелкая несущественная деталь. Помнишь, я обещала тебе рассказать о моих родителях? Моя мать сидит в больнице для неизлечимых больных в Биргильде. Это у нас под Челябинском. Больница для психически больных. Она была больна долго, может быть всю жизнь. Лечилась без толку. 10 лет тому назад во время очередного помешательства она зарезала во сне отца, когда ей в очередной раз почудился какой-то демон. Меня забрала к себе жить тётка. Но ты наверное не знаешь, что сумасшествие часто передаётся по наследству. Я всегда боялась этого. Я хотела выучиться, чтобы больше об этом знать. Не получилось. Зато случилось поиметь мамкино наследство. Теперь я знаю точно. Оказывается, это самое страшное – понимать, что сходишь с ума. Я поняла. Я не хочу

убить тебя, как моя мать убила отца в приступе страшной болезни. И тем более не хочу иметь от тебя таких же страшных детей. Помнишь, мы смеялись с тобой над дурачками, написавшими в метро „Выхода нет“. В отличие от метро, где таблички можно переделать, мне эту табличку переделать нельзя. Просто нет выхода – и всё. Прощай. Л.»

Дальше в рассказе было написано, что покаяние находилось в конверте, на котором содержалась просьба не доставлять письмо адресату как минимум десять лет. Следствие сочло, что адресат не установлен, а доводить содержание до широкого круга знакомых погибшей нецелесообразно ввиду невозможности предсказать реакцию истинного получателя. Дело закрыли.

Только теперь он понял, что означали её исчезновения, её отказы, понял её стремление с максимальной полнотой жить каждый отпущенный ей день. Он догадался, что напоследок Лариса попыталась сделать так, чтобы он не запомнил её божественно красивой – мёртвые никогда не бывают красивы. Она сделала всё, чтобы испортить память о себе, освободить его от наваждения по имени Лора, Лара, Лорик. Она попыталась.

Неплохо бы ей догадаться, что у неё ничего не выйдет. Настоящая любовь на то и настоящая – она не нуждается в оправданиях. Не помог её хитроумный план. Лучше бы она сказала ему правду. Тогда на далёких островах, где все говорят на непонятных языках, где солнце, просыпаясь, встаёт из моря и туда же укладывается спать, могло получиться чуточку по-другому. В том мире они смогли бы лучше понять друг друга. Она ошиблась.

Он, как когда-то, остался совсем один. Скомкал свою жизнь, уволился, продал квартиру и уехал скитаться по свету. Где он сейчас, в какой части планеты, жив ли – никому не известно.

ГЛАЗ БУДДЫ

*Совершенство достигнуто не тогда, когда нечего добавить,
а когда нечего убрать.*

Антуан Сент-Экзюпери

Сегодня утром Виталию жилось и дышалось тяжеловато, не то что вчера. Как будто сегодня наступило не простое октябрьское, а Суриковское «Утро стрелецкой казни». Вот вчера вечером на Васином дне рождения было хорошо. Весело и легко. Вася – старинный Виталькин друг, еще со школьных времён. Почему-то мальчишеская детская дружба частенько сохраняется, даже с годами крепнет, в отличие от ранней юношеской пылкой любви. Многие супружеские пары не выдерживают столько – почти тридцать лет.

Васин юбилейный день рождения был шикарный, изобильный, столы ломились, заказная профурсетка воодушевлённо хороводила праздником, какие-то «Звёздочки» или «Блестящие», или другие какие-то «татушки» пели и зажигали, но кто они точно и о чём напевали, Виталий вспомнить не мог. Проснувшись, он выпил некрепкого чая и двинулся пешком в сторону своей студии, небольшого помещения на верхнем этаже пятиэтажного жилого дома с окнами во всю стену. Там находилась его рабочая мастерская, он занимал её уже больше десяти лет, с той поры, как получил в пользование от Союза художников. С тех пор дома он практически не работал, лишь набрасывал эскизы, если в голову приходили интересные идеи.

И правда, чего ему, Ваське, не пошиковать? – по дороге вспоминал он вчерашний праздник. – Он за последние лет десять-пятнадцать круто поднялся, стал настоящим латифундистом, взаправдашним буржуином, даже лысину завёл и пузо в два обхвата. А на чём поднялся, и вспомнить-то смешно. Помогал сначала людям квартирки продать-купить, потом откуда-то свои квартиры начали появляться – ими спекулировал. Торговал целыми этажами, а сейчас у него огромная риэлтерская фирма, владеющая тысячей гектар земли в Подмоскowie, сам жилые посёлки строит.

К тому же юбилей совпал с днём свадьбы. Специально, говорит, подгадывал. Так, чтоб праздновать заодно. На этот раз – ситцевая свадьба. Жена его была вся в белом, ну прямо как невеста. Единственное, чего Виталий не понимал – зачем сорокалетнему мужчине очередная девятнадцатилетняя девчушка? Он что, с прошлыми своими в эти игрушки не наигрался? В первый раз Васька влюбился в девятом классе в их одноклассницу Ленку, а она – в него. С трудом дождались окончания школы, поженились, но только не заладилось что-то с первых же дней. Сделали сына, полаялись друг на друга лет пять и разбежались. Что у них за любовь такая была? Со второй женой (имени её Виталий вспомнить не смог) случилось похоже, когда юная красотка за несколько лет превратилась в неисправимую стерву – еле-еле Васька от неё отделался. Вот и вчера, несмотря на шум-гам и приличный перебор по выпивке, заметил, как эта вчерашняя школьница порола чушь, а Вася хмурился.

Он тяжело поднялся на свой пятый с половиной этаж, лифт в этом доме брежневской ещё постройки не был предусмотрен.

То ли дело его Марина. Рассудительная умница. Жаль, её вчера не было. Может, он хотя бы при ней постарался не перебрать. Вообще-то Марина с недавних пор стала Витальке очень близка, очень-очень, так что он имеет право называть её «моя Марина». А немногие читающие дети лет до двенадцати смогли бы узнать в ней детскую писательницу Марину Пелле, довольно успешную: по одной её сказке даже нарисовали мультфильм. Интересно, что это у неё настоящая фамилия, а не вычурный псевдоним: кто-то из далёких предков был швед или датчанин. Когда Виталия с ней знакомили, он ляпнул глупую шутку про связь со знаменитым книжным Пелле-завоевателем (называется, проявил эрудицию), но оказалось, что эта расхо-

жая байка надоела Марине примерно так же, как Фаина Раневская устала от навечно прилепившейся к ней «Муля, не нервируй меня». Загладить не очень хорошее первое впечатление удалось только картинами: он тогда выставлялся вместе с группой авангардистов, и ей понравилось, что его работы были самые неавангардные, особенно приглянулся портрет мальчика за компьютером, оседлавшем в своих фантазиях жуткого монстра.

«После вчерашнего» с самого утра настрой был ни к чёрту. Всё валилось из рук. Надо работать, но из-под пера выползали какие-то уродцы, совершенно непохожие на маленьких весёлых человечков, о которых так занимательно написала Марина, она же его самая любимая женщина на свете. Он перепортил кучу бумаги, но с каждым разом получалось всё хуже. Геометрическая прогрессия, только с минусом. Последний лист вывел его из себя совершенно: таких гнусных морд он не видел даже у карикатуристов. Руки отказывались повиноваться. Что такое? Ну выпил вчера, ну с кем не бывает? Тем более – такой повод, юбилейный день рождения.

Так-так. В подобном состоянии работать никак невозможно, здоровье требовалось срочно поправить. Где-то немного оставалось, кажется. Виталий двинулся в отгороженный от студии закуток, который с большой натяжкой можно назвать кухней. Там царил такой же кавардак, как и во всей мастерской, только с добавлением чашек, ложек вперемешку с пустыми пакетами сока, бутылками, преимущественно из-под пива, бутылками вина, конечно же, тоже пустыми. На немытых тарелках с остатками засохшей пищи лежали выжатые и сухие, скрученные как конфетный фантик, использованные чайные пакетики. Всё это сверху как будто специально присыпано сахаром – это позавчера из рук вырвался пакет, когда он хотел положить себе пару ложек в чай. А ведь был практически трезвый. Ну да, немного с Витюхой выпили. По паре пива здесь, и на остановке сколько-то, пока он его провожал. Сколько было выпито на остановке, он не помнил. По две или по три бутылки? Ничего другого вроде не добавляли, в киосках теперь как будто крепкого не купить, только пиво. Разговор с Витюхой состоялся серьёзный: как жить дальше. Совершенно невозможно стало с этими злобными карликами – совсем задушили свободу: скоро пива в киоске не купишь, запретят. Денег и без того нет, а они, суки, ещё акцизы на алкоголь повышают. Хорошо хоть, Маринка подсобила с заказом на иллюстрации к своей книжке, только это всё равно копейки, и работа разовая. Если б каждый месяц такой заказ – другое дело. Тогда любимой женщине можно сделать предложение, жениться и поехать куда-нибудь в свадебное путешествие. В Турцию, например. Там всё включено, хоть с утра до ночи пей – оплачено. А всё-таки, где-то тут была бутылка вискаря недопитая? Которую в пятницу с Саней не смогли докончить. Вообще-то Виталя не любил виски, оно особенно плохо идёт после водки, и в пятницу ему из-за этого вискаря даже стало немного дурно.

«Ага!» – обрадовался, – «вот!»

Он достал из-за углового шкафчика сильно початую бутылку «Дюар», отвинтил колпачок, поискал на столике чистую, хотя бы относительно, кружку. Нашёл. Как будто бы из-под чая, но это ничего, это сойдёт, и занёс над ней бутылку. «Гадство!», – всплыла вдруг откуда-то из глубины, из самого желудка мысль, – «обещал ведь Маринке сегодня не пить. Куда-то идти с ней надо, какая-то важная встреча. И работать тоже надо, она хотела глянуть на наброски, сравнить ощущения с придуманными в книжке образами». Он поставил бутылку на стол, навинтил обратно колпачок и нажал педаль на чайнике, тот моментально зашкворчал – воды в нём было на донышке. Лучше кофе попить, только некрепкий. Виталий стал искать в своих руинах кофе, но не попадался даже чай, только испытые пакетики. «Ну и ладно», – вслух с облегчением произнёс он, когда чайник щёлкнул, отключившись, – «попью кипяточка с сахаринчиком. Под кипяточек можно одну рюмочку, исключительно здоровья для». Он быстро свинтил крышку с бутылки, не глядя плеснул в кружку – получилось грамм около пятидесяти, одним глотком замахнул, тут же налил в неё немного горячей воды и положил ложку сахара. «Теперь если сюда капельку виски добавить – грог получится». Рука вновь потянулась

к бутылке, но он решительно закрыл её и убрал обратно за шкафчик. Нет, больше нельзя. Разве только если вечером. Пивка немного, или если с Маринкой – вина. А сейчас – всё, точка. Надо работать. Быстро выхлебав сладкую воду, он вернул чашку на место, то есть в центр постоянной композиции, похожей на картину Верещагина «Апофеоз войны», где вместо человеческих черепов – гора керамики.

Но даже после небольшого «лечения» совершенно не работалось, идеи не приходили, голова была пуста. Виталий опять сбился на мысли о Марине, её тёплых руках, её улыбке, её бархатном грудном голосе, который становился немного жёстче только если она обижалась на него из-за выпивки. Сидел за столом, закрыв глаза, и видел её лицо, как наяву. А ведь они не виделись с четверга! Ему не хватало Маринки. Может быть оттого, что у него никогда не было жены, семьи. В молодости он много работал, даже заработал себе небольшое имя, но почему-то с каждым годом работалось всё трудней, а выпивалось всё больше. А когда больше выпивалось, работалось ещё меньше и ещё трудней. Будет большим преувеличением сказать о нем как о человеке, не понимавшем связи между крупными дозами алкоголя и плохим творчеством. Но это понимание жило где-то внутри, очень глубоко внутри него, и не делало попытки выбраться на волю. Потому всем вопрошавшим, с какой радости он постоянно выпивает, он обычно отвечал: «Мне – что? Мне выпивка работать не мешает. Мне козлы всякие по жизни мешают, а не водка. Водку я могу хоть завтра бросить пить, но пока не хочу. А как только захочу – сразу брошу».

Лицо Марины стояло прямо перед глазами, и ему вдруг захотелось сделать для неё сегодня что-то приятное, необычно и необычайно приятное. «Портрет надо её написать, хотя бы маленький», – решил он. Она несколько раз отказывалась позировать, вечно не хватало времени на любовь, не то что на позирование. Сейчас с небольшим карандашным портретом он справится по памяти. Вот это было бы хорошим сюрпризом, только... У него сегодня вместо сказочных человечков крокодилы получаются, какое сегодня рисование портрета! ... Тут он вдруг вспомнил, что осталось несколько бокалов и краски по стеклу – он расписал таких целую дюжину в подарок другу Васе. Хоть какой-то выигрыш от профессии: ну чего такого он мог подарить валютному мультимиллионеру, у которого есть всё! А его подарок произвёл впечатление, вехи жизненного пути юбиляра в картинках на стекле, причём из них ещё и пить можно, последовательно, как в жизни: маленький Вася – по чуть-чуть, подрос – до половины наплескать, а в последний бокал, изображавший наши дни, налить по самый край. Заодно Виталя хорошо сэкономил на подарке – отделался всего-то сотней евро, примерно пополам на чистые бокалы и краску.

Он решил написать её портрет на фужере. Виски опять пришлось достать из потайного места из-за шкафчика, но не для питья: другой спиртовой жидкости, чтобы обезжирить стекло, в мастерской не нашлось. Вообще-то надо бы сначала эскиз на бумаге сделать: на этой криволинейной поверхности сроду не угадаешь правильные пропорции, но лишних сил на это не было. Вот если начать с глаз, тогда не страшно. Крупновато получится – тогда контур лица не обязательно целиком пытаться вписать, есть такой приём в рисовании. Он начал со зрачков (для них выбрал янтарно-коричневый), затем голубая краска для радужки, чуть добавил синего, после него – белый, затем выписал глаза, ресницы. Виталий пользовался своей техникой: вообще-то перед нанесением этих цветных лаков для стекла полагалось сначала делать объёмный контур, но он так не любил – это сильно упрощало рисунок, превращало его из художественного творения в поделку. Контурные же он, напротив, использовал в самом конце, только чтобы сделать грани и подчеркнуть акценты. Конечно, его способ очень хлопотен: нанести новый слой можно только после высыхания первого, но результат того стоил, да и краска сохла довольно быстро. Когда он закончил возиться с глазами, глянул на свет. Получалось красиво, потрясающе красиво, глаза завораживали, были как живые, срабатывал эффект прозрачных материалов. Но как будто ещё чего-то не хватало. Он подумал и решил добавить индуистскую чандру,

или как его называют – третий глаз, глаз мудрости – ярко-красную точку с крохотной капелькой золота. Имеет ведь он, как художник, право на небольшой вымысел? Нужны были брови и нос, он теперь просился другой, не Маринкин, а похожий на небольшую волну. Добавил «загогулину», визуальное отображение слов и дел первого президента Ельцина. Буквально двумя-тремя мазками наметил контур лица, чуть-чуть, намёком. Присмотрелся – больше вообще ничего не требовалось, любое добавление могло стать лишним. Лаконичный, но очень ёмкий рисунок. Не прибавить – не убавить.

Чтобы всё-таки не возник соблазн что-нибудь изменить, быстро включил печку и бокал поставил в неё, запекать краску. Мельком бросил взгляд на часы: почти половина первого, значит, таймер на выключение надо поставить на час пятнадцать. А пока порядок что ли здесь навести? Или на кухне? Он походил туда-сюда по мастерской, заглянул в кухонный закуток, будто оценивая, где больше работы. В результате решил, что проще сходить в магазин, купить кофе, чай, сливки, бисквит или печенья какого-то – Марина ведь сегодня придёт!

Пока он ходил (а это недалеко, за углом), время на таймере вышло, печь выключилась. Стоило подождать, чтобы бокал остыл, но ему не терпелось. Виталий прихватил горячущее стекло полотенцем и аккуратно поставил на подоконник. Солнце как раз поднялось в зенит и освещало через огромные окна всю мастерскую, а на бокале лучи преломлялись, разбрасывая разноцветные брызги света по стенам. Виталий заворожено смотрел в нарисованные им глаза, одновременно похожие и непохожие на глаза любимой женщины. От них невозможно было отвести взгляд. Интересно, понравится ли Маринке, – подумал он, и тут же вспомнил, что она совсем не это сегодня придёт смотреть. «Чёрт! Чёрт! Чёрт!», – он заметался, очистил стол от всех утренних уродов, схватился перечитывать рукопись книжки, и неожиданно выхватил оттуда какой-то совсем другой образ, не тот, какой почудился ему утром: эти весёлые человечки вовсе не такие, как коротышки Николая Носова, и совсем не такие, как покемоны или смешарики. Воодушевлённый своим озарением, быстро набросал главного героя Чегошку, не останавливаясь, изобразил встречу Чегошки с Квантиком во время их странствий по чипу памяти, и тут же, не отрываясь, сцену с нано-роботом Графишкой. У неё, правда, на смешной восьмиугольной голове опять почему-то оказались Маринкины глаза, но с этим Виталий уже ничего поделать не мог.

Виталию захотелось немедленно поделиться с Мариной своим успехом, он нашёл в завале красок телефон и выбрал её номер – он значился самым первым в списке последних контактов. Марина не отвечала, хотя вызов шёл. «Да!» – вспомнил он, – «сегодня же понедельник, у них выпуск номера». Обычный еженедельник, сколько-то желтоватых статей о звёздах, рейтинги кинопроката, мода, программа телепередач, море фотографий и рекламы. Она потому именно сегодня вечером и ещё завтра свободна: в конце недели у них всегда пожар, а сегодня в 3 часа дня stop-line, окончательная вёрстка и передача в типографию. Ерундовская работёнка для её таланта, но что поделаешь – детскими книжками в наше время не проживёшь.

Он перевёл взгляд вниз и вновь порадовался тому, что получалось на бумаге. «Это стоит отметить», – рука потянулась к заветной бутылке, которая стояла здесь же, к тому же так и осталась откупоренной. Проблема выбора чистого бокала в этот раз не возникла: свежее испечённый красавец с глазами любимой женщины стоял на подоконнике.

Бокал остыл, был теперь едва тёплым. Виталий налил немного виски, буквально на доньшко. Напиток своим золотистым цветом дополнял картину, но чего-то не хватало. Виталий подумал и вылил из бутылки всё. Теперь жидкость составляла нижнюю часть рисунка, а глаза как будто парили над ней. Он поднял бокал выше, на уровень своего лица, виски красиво покачивалось, создавая блики. Сквозь нарисованные глаза лился, переливаясь, свет солнца, переотражаясь от янтарной поверхности, и вдыхал в рисунок жизнь своими золотыми искрами.

Пить такую красоту невозможно: милые и одновременно строгие глаза смотрели на него, заглядывая внутрь, в самую потаённую глубину. Поднести бокал ко рту и выпить содержимое показалось художнику невероятным кощунством, как будто вместе с напитком он мог эти родные глаза проглотить. Нет, уж лучше он будет любоваться ими издалека. Так безопасней.

Виталий вернул бокал на уже привычное место, на солнечный подоконник, и некоторое время не мог от него оторваться. Только сейчас он заметил, что похмелье его куда-то растворилось, незаметно прошло, без помощи привычного средства «лечить подобное подобным» (если не считать того глотка виски, но их влияния он уже абсолютно не чувствовал). Голова ясная, руки больше не дрожат, а сил столько, прямо как в давней молодости, когда он мог работать по двое суток без сна и отдыха. Он вновь посмотрел на сделанные им наброски сказочных персонажей, они ему по-прежнему нравились, можно продолжать. Конечно, было бы лучше дождаться одобрения автора, но времени до вечера ещё оставалось довольно много, и он вновь погрузился в рукопись, вычитывая оттуда почему-то незамеченные им раньше подробности в описании персонажей. Когда раздался стук в дверь мастерской (звонок давно не работал), Виталий с трудом оторвался от очередного рисунка. Пожалуй, уже из второго десятка – стол был полон изрисованной бумагой.

На пороге мастерской, как будто сбежав из картины Ренуара «Зонтики», его ждала Марина. Оказывается, давно едёт дождь, а он и не заметил.

– Виталка, ты спишь что ли? – она чмокнула его в щёку. Он обнял её, прижался к мокрому от дождя плащу и с наслаждением дышал запахом её волос. – Я стучу-стучу, а ты не слышишь.

– Я тебе звонил, ты тоже не слышала, – неохотно отрываясь, ответил он.

– Я видела, но не стала перезванивать. Всё равно поехала к тебе, ты ведь сказал, что будешь в мастерской. Показывай, что получается, – она бросила на пол раскрытый мокрый зонт, а он повесил её плащ на гвоздь, много лет старательно исполняющий роль вешалки.

Они прошли в студию, и Марина тотчас заметила бокал на подоконнике, а рядом пустую бутылку из-под виски.

– Опять пьёшь? – её бархатный голос стал жёстче. – Эх, Виталя Виталя. Ну как тебе после этого верить? Утром обещаешь, а вечером за бутылку хватаешься. Учти, я не железная, могу не выдержать.

– Ну что ты! — испугался он. – Я абсолютно трезвый, а вискарь в бокале — инсталляция, дополняет образ. Смотри. Это я для тебя нарисовал. Хотя, если честно, больше для себя. Мне тебя не хватало, я твои глаза нарисовал. С ними мне как-то легче стало работать.

Но Марину собственные глаза в буддистском образе нисколько не заинтересовали, она с жадностью схватила листы с набросками, которыми был завален весь стол.

– Виталечка! – с восторгом завопила она. – Я прямо таких себе и представляла Чегошку и Графишку! А Квантик какой! Ах! А это что? Это спасение Микроши? Как здорово!

Она обхватила его и закружила на маленьком свободном пятачке между столом, мольбертом и кучами разного нужного и совсем бесполезного хлама. Он не преминул воспользоваться ситуацией и поцеловал её в губы. Она не возражала. Кружение замедлилось, потом совсем остановилось, а поцелуй всё никак не мог закончиться.

Когда они смогли вернуться к работе, Марина всё же захотела кое-где немного поправить его наброски, но это были мелкие, почти не влияющие на общий замысел детали, вместе они справились быстро. Они давно договаривались, что она поведёт его сегодня вечером куда-то, и планы менять не стали, хотя Виталий предпочёл бы поехать с Мариной домой и заняться чем-нибудь куда более приятным.

Они оказались на премьерном показе нового фильма Серебренникова, только что вернувшегося с Венецианского фестиваля, после кино – обязательный фуршет, где Виталий вдруг вспомнил, что абсолютно ничего сегодня не ел, ни крошки. Он набросился на бутерброды,

какие-то паштеты в невкусных, испечённых из сладкого теста корзиночках, а маленькие канапе с копчёной рыбой неприлично заглатывал сразу по несколько штук. Про вино почему-то не вспомнил до тех пор, пока Марина, оставив его «на секундочку», не появилась в компании седовласого, с такой же седой опрятной бородой джентльмена в идеально сидевшем на нём костюме, и не протянула бокал с шампанским.

– Папа, ты хотел познакомиться с моим любимым мужчиной. Вот он, Виталий Молодин собственной персоной. А это, Виталя, мой папа, Александр Гуннарович.

– Тот самый Молодин? – интеллигентно улыбаясь, поздоровался с ним за руку Маринин папа. Пожатие у него было не по годам крепким.

– Даже не знаю, что сказать, – пожал плечами Виталий. – А вы, стало быть, отец той самой знаменитой писательницы Марины Пелле?

«Отец писательницы» мягко рассмеялся, а Маринка добавила: «Папа музыкант, играет в оркестре Большого театра». Чокнулись и выпили шампанское за знакомство. Шипучка была удивительно приятной на вкус.

Только через пару дней Виталий вспомнил о существовании наркотика с названием «водка», да и то не сам. Он с увлечением работал над книжкой Марины, которой после его успеха с образами сказочных героев пришла в голову идея сделать два варианта: умеющим читать детишкам – классический текст с иллюстрациями, а для детей помладше – больше рисунков, чем текста, вроде комикса; она уже договорилась с издателем и сейчас адаптировала свою сказку к этому формату. Соответственно, художественной работы сильно прибавилось.

Без предупреждения, как на картине Репина «Не ждали» (впрочем, это для него было обычным делом) завалился Витюха с бутылкой и несколькими пирожками, наспех купленными в каком-то ближайшем супермаркете. Оказывается, у него накопилась куча насущных вопросов, которые срочно нужно обсудить: выборы американского президента, война в Сирии, а главное – родной царь, который вместо Виткиных проблем вдруг решил заняться спасением журавлей-стерхов. Витя когда-то был хорошим инженером, ведущим конструктором на заводе «Рубин», но когда всё производство сдулось и завод превратился в деловой центр, стал подрабатывать ремонтом всякой мелкой электроники – от телевизоров до мобильных и навигаторов. Денег это приносило немного, зато свободного времени появилось хоть отбавляй.

– Я не буду сегодня выпивать, – оговорил Виталя, которого вдруг перестали волновать проблемы вселенского масштаба. – Мне вообще разонравилось бухать. Я лучше работать буду и с любимой деву...

– Постой, я не понял. – перебил его Витёк. – С девушкой ясно. А с выпивкой что? Завязал?

– Не хочу.

– Ты чего, закодировался?

– Да не кодировался я, – отмахнулся Виталя. – Не хочу – и всё.

Это произвело на старого друга такое впечатление, как если бы его родной завод, выгнав арендаторов, восстановил производство и начал выпускать «Айфоны» двадцать второго поколения.

– погоди, а как же ты теперь без водки будешь с друзьями общаться? Или меня тоже бросишь, как выпивку?

– Ну чего ты гонишь? Куда я от тебя денусь, Витька?

– То есть сейчас тебе удобно со мной разговаривать, не отвлекаю?

– Нет, не отвлекаешь, – соврал он. Гораздо больше ему хотелось закончить начатую работу.

Он очистил уголок рабочего стола, нашлась какая-то почти чистая обёрточная бумага – вполне сойдет вместо тарелки под пирожки. стакан с налитым в него виски так и стоял на подоконнике, и Виталий решил сделать добрый жест – протянул его другу.

– Вот, приобщись к композиции. Вискарь хороший, марочный, мы с Саней в пятницу не допили. На здоровье. А я пойду пока чайничек включу, составлю тебе за столом компанию.

Когда он вернулся, застал Витьку задумчиво смотрящим на бокал, уже пустой, от виски остались лишь тянущиеся от края фужера к дну тоненькие «ножки» -ручейки.

– Может быть, ты и прав, но по отношению к другу как-то по-свински, – медленно выдохнув, задумчиво сказал он. – Мне даже выпивать расхотелось. Вот какую ты мне подлянку сделал, это я тебе намеренно говорю, чтоб ты знал. Пойду я.

– Ну погоди, – попытался остановить его Виталий, которому стало неловко не понятно отчего, – давай посидим, поговорим.

– Не-е, пойду. В другой раз как-нибудь зайду, когда передумаешь.

– Бутылку забыл. Забери.

– Пускай у тебя постоит. До следующего раза.

Загрустивший Витёк ушёл, некоторое время Виталию было как-то не по себе, но он помогал головой, словно стряхивая неясные мысли, начавшие материализовываться, и продолжил работу над рисунками для Маринкиной сказки. Витька пропал и пару недель не объявлялся.

Он пришёл к Виталию домой, как всегда без предупреждения. Его способность точно предугадывать, куда и когда именно нагряться, оставалась загадкой вот уже в течение последних пятнадцати лет. Виталий сегодня оказался дома один, что теперь случалось редко, Марина всё чаще оставалась у него, фактически они жили вместе. Объяснение казалось логичным – работа над книгой, но оба прекрасно понимали истинную причину, чему Виталий был несказанно рад.

– Поздравляю! – прямо с порога заявил Витёк.

– С чем?

– Ты что, прикидываешься? Тебя с Мариной поздравляю. Желаю счастья и всё такое прочее.

– Чего это ты? Мы с Маринкой ещё не решали ничего.

– Решите. Это дело нехитрое. Самое главное, вы для себя решили – а формальности не в счёт.

– Заранее не поздравляют. Ты не бойся, я тебя не забуду, обязательно приглашу, если мы надумаем свадьбу устраивать.

– Надумаете- не надумаете, это уже неважно. Уезжаю я.

– Куда вдруг? – забеспокоился Виталий: Витька частенько бывал непредсказуем в поступках, особенно выпивши. Ещё свежа в памяти картина, как Витёк пытался набить морду фигуре президента, с которой в сквере фотографировались желающие. Тогда в блоггерской среде это событие разошлось широко.

– В деревню, – новость оказалась сногсшибательной, и Витька это понимал, растягивая удовольствие. – Большая, правда, деревушка. Таруса называется, слыхал?

– И чего ты там будешь делать? Витька, ты по пьянке сбрендил что ли?

– Наоборот. Я недели две как не пью, чего-то болею. Тут как раз институтский кореш встретился, Бауманское вместе кончали. Он и позвал. Там у них в Тарусах чудом СКБ Института космических исследований сохранилось. Платят, само-собой немного, зато не навигаторы китайские чинить. И природа. Тихо, говорит, как в деревне. Ока, опять же, рыбу можно ловить.

– Ты рыбачить-то умеешь? Пробовал когда-нибудь?

– Это дело нехитрое, – повторил он. – Это вам не гипотеза Пуанкаре. Решим как-нибудь.

– А со здоровьем что? Ты чего-то такое сказал.

– Со здоровьем знаешь какая картина? Выпил пару раз после нашей последней встречи – ну не могу, болею, хоть помирай. Вот и думаю сам себе: а смысл? Какой смысл от этой водки в сорок лет подыхать? Раз говорит организм – не могу больше, значит, надо слушаться. Вот поеду в Тарусу здоровье поправлять. Как устроюсь, позвоню. Места там красивые, может, в гости приедешь, говорят, там многие художники пейзажи писали.

– Пейзаж – не мой стиль, – засмеялся с облегчением Виталя. – Я по сказочным монстрам специализируюсь. Но приедем с удовольствием. Сообщай только обязательно, не теряйся.

Они обнялись, и уже в спину уходящему вниз по ступенькам другу Виталий крикнул:

– Если монстры в ваших краях объявятся – телеграфируй немедленно!

За работой несколько недель пролетели незаметно. Обе книжки ушли в набор. Виталий освободился от сказок и у него наконец появилось время написать настоящий Маринкин портрет, а она не отказалась позировать. Правда, на предложение позировать обнажённой, хотя бы слегка, категорически отказалась: «Ты забыл, я ведь детский писатель. Да и не готова я на такие подвиги. Я не Гала, и ты тоже пока не Сальвадор Дали». Под обещание позировать в любом виде, после того как он сравняется с Дали, с воодушевлением принялся за работу. Давненько Виталий не писал классических портретов.

От холста и красок его оторвал звонок, номер незнакомый. Оказалось – Жанна, юная Васькина жена. Попросила о встрече: «Ничего не случилось, но это для нас с Васей очень важно». Объяснил, как проехать. Договорились, что встретит во дворе, чтобы не заблудилась.

К подъезду подъехала красная машина, от которой резко пахло духами. Это сквозь закрытые двери пробивался запах хозяйки. Из-за руля выпорхнула Жанна. Одета она была невообразимо: трикотажные штаны, похожие на мужские кальсоны прошлого века, притом они были горизонтально раскрашены цветными полосами с фантастическим чередованием бирюзового, василькового, розового, зелёного и жёлтого. Голубая блузка сплошь расшита стразами, поверх всего этого разноцветия нечто вроде морского белого парадного адмиральского кителя с золотым аксельбантом на левом плече, только без орденов. Новомодные лодочки без каблучков на её ногах смахивали на тапочки, в которых совсем недавно хоронили усопших, только не белые, а ядовито-фиолетового цвета. Боевая раскраска ирокезов, обрамлённая бриллиантами в ушах и на пальцах, слепила глаза и вынуждала отвести взгляд. Виталий, прикидывая про себя, сколько соседей могло наблюдать эту жизнерадостную картину его встречи с гламурной посетительницей, быстренько проводил её к себе в студию, с некоторым злорадством отметив, как запыхалось и отстало от него по дороге на пятый этаж совсем юное создание.

– Виталий, у меня к вам большая просьба, – начала она, отдышавшись и с удивлением оглядевшись вокруг. А ведь он недавно сделал небольшую приборку. – Я знаю, что вы с мужем – одни из самых давних друзей, поэтому надеюсь на вашу помощь.

– Всегда рад, – откликнулся он, не понимая, чего ей надо. Может, портрет хочет заказать?

– Дело в том, что мне Вася рассказал, будто вы бросили пить, и ещё двух ваших знакомых отучили.

– Да я не то чтобы завязал, я совсем мало стал пить, для удовольствия. Просто понял, что выпивать неинтересно, много времени даром пропадает. Знаете, мне сейчас шампанское стало нравиться, как в детстве, – объяснял юный почти сорокалетний мужчина зрелой девятнадцатилетней женщине, у которой детство осталось где-то далеко позади.

– Но говорят, что это какой-то рисунок. Из-за него якобы всё.

– Выдумки! – рассмеялся Виталя. – Обыкновенное совпадение. Я рассказал Васке, что понял никчёмность пьянок после того, как подругу свою попытался изобразить на фужере. А вы думаете, что между этими событиями есть какая-то связь?

– Конечно есть! – убеждённо возразила Жанна. – Ведь ещё двое бросили, и тоже из-за этого рисунка.

– Так возникают мифы, – рассмеялся он. – Не двое, а один. И не из-за бокала вовсе, а по здоровью.

– Как будто алкаши когда-то бросали пить из-за проблем со здоровьем, – здраво возразила она, и вдруг попросила. – Подарите мне этот фужер.

– Чего он вам дался! Я же на вашу ситцевую свадьбу двенадцать почти таких подарил! – но она поняла по-своему.

– Ну тогда продайте. Ради друга. Вы не верите в магию своего рисунка, тогда просто продайте, как художественное произведение. Вы ведь картины продаёте? Я у вас его куплю, вот, – она раскрыла сумочку и извлекла оттуда растрепанную пачку купюр, в ней вперемешку были видны рубли и валюта разных достоинств.

– Ладно, – Виталя выудил из пачки один не самый красивый банкнот розового цвета. Вообще-то ему было бы не жаль подарить старому другу ещё один бокал, но в этой ситуации действовало старинное правило: если дают, надо брать. – Согласен.

Жанна взяла протянутый бокал, мельком глянув в нарисованные глаза Марины, а художник заметил, что на дне виднелись остатки засохшего виски, и ему стало стыдно.

– Давайте, я заверну во что-нибудь, – он схватил фужер и сбежал с ним за кухонную загородку, там протёр его салфеткой и упаковал в серую оберточную бумагу, оставшуюся от последней покупки холста.

Сделка состоялась. А про себя он подумал, что надо бы написать современный вариант известной картины «Неравный брак» Пукирева, только в точности наоборот: торжествующая юная невеста и грустный пожилой жених со слезами на глазах, который понимает, чем всё это безобразие для него скоро закончится. Сегодня модны ремейки: старое кино на новый лад, обрезание классической литературы, переписывание истории...

Ему не удалось отделаться от жены друга Васи надолго, она снова пришла к нему в мастерскую дней через десять или двадцать – точно он сказать не смог. Он был счастлив, а счастливые, как известно, часов не наблюдают, за исключением того тянущегося времени, когда Марину приходилось откуда-то ждать. Самый долгий интервал – с работы, эту пустоту он обычно занимал творчеством, намеренно наваливая на себя побольше сложных задач. Те, что покороче – из магазина или парикмахерской – переносил стоически.

Жанна набросилась на художника прямо с порога.

– Мой Вася, он так изменился! И всё из-за этого фужера! Несколько дней сидел, смотрел на него. На пустой! Я, идиотка, обрадовалась, думаю – ведь правда действует! Мистика какая-то, но не пьёт мужик! Но дальше – с каждым днём всё хуже. Ему ни до чего нет дела! Даже до себя самого. Я хожу, дура дурой, уговариваю его, забочусь, волнуюсь, а ему всё равно; он стал такой спокойный. Только я, одна я, как зануда, спрашиваю всё время: что будем делать – что-то ведь надо делать? – а ему наплевать. Он не хочет ничего знать, никуда не хочет ходить, вообще ничего не хочет, и заниматься ничем не хочет, кроме какой-то дурацкой медитации, сидит и в одну точку смотрит.

– Может, ему что-то важное надо обдумать? Или новый бизнес затевает. Вы ему не мешайте. Придумает – и всё будет как всегда.

– Да ты не понимаешь! – она резко перешла она «ты», – Ему вообще ничего не нужно! Ни-че-го! Из офиса звонят – ноль эмоций. Из банка звонят – ему всё равно! Что-то случилось с человеком, если ему на звонки из банка наплевать!

– Жанна, погоди. Я всё же думаю, что дело не в бокале.

– А тогда в чём? Пить-то Вася действительно перестал!

– Ну и хорошо, чего ты тогда так волнуешься. Это ведь хорошо? Ты сама хотела, чтобы он не пил.

– Хотела. Кто же этого не захочет, если муж каждый вечер на рогах домой приползает. Но с ним одновременно что-то случилось! Вместе с выпивкой он ещё дела забросил! И меня тоже! – заревела она.

– Ну тогда что тебе от меня надо? Только успокойся.

– Нарисуй что-нибудь другое! Что-то для него, не знаю, что. Может быть, меня?

– Как ты не поймёшь, не в рисунках дело. При чём здесь рисунок? Если бы всё было так просто, я бы озолотился давно, картинки малюя на стаканах, кружках и рюмках.

– Не в рисунке?? А я думаю, что во всём этом проклятый бокал виноват! – вскричала она, рванула свою сумочку, достала из неё упакованный в бумагу овальный предмет и лихорадочно, ломая ногти, не делая попытки аккуратно развернуть, принялась эту бумагу рвать поперёк. Виталий увидел, как она буквально выгрызает из упаковки знакомые Маринкины глаза с чандрой на переносице, но через секунду их не стало: Жанна, размахнувшись, с такой силой залепила фужер о стену, что в мастерской пошёл дождь из осколков.

– Ну хорошо, – придерживая её за локоть, чтобы она не вздумала заодно что-нибудь сокрушить в мастерской, как можно мягче сказал Виталий. – Я поговорю с ним. Ты ведь знаешь, мы старые друзья, мы друг другу доверяем.

Вася выглядел вполне даже ничего. Был, что называется, «в форме», не похудел нисколько. Глаза его смотрели весело.

– Здорово, Виталька! – обнимаясь, он искренне радовался встрече. – Какой ты молодец, что забежал. Надо все-таки чаще встречаться. А то жизнь проходит, вот так вся пройдёт, а нам всё некогда. На чушь всякую времени не жалко, а с хорошим человеком поговорить...

– Слыш, Вася, я сразу напрямки, по-честному. Мне от тебя скрывать незачем, что меня Жанна попросила. Ты на меня не обидишься, я знаю: ты меня давно знаешь, а жену свою – только год. Какое такое на тебя просветление снизошло, колись?

– Я сам не до конца разобрался. Но это правда, словно щёлкнуло что-то: чик – как тумблер, и всё стало по-другому. Люди, казалось бы, – те же, заботы остались прежние, а суета – пропала. Словно глаза мне кто-то раскрыл, и я увидел то, что всегда было рядом, но почему-то не видел.

– А когда это всё у тебя началось? – спросил Виталий, уже предполагая ответ, но следовало окончательно удостовериться.

– Точно не помню. Может быть, аккурат после того, как мы с Жанкой чего-то поприбавляли, вдвоём. Она так захотела. Да, точно! Она в тот раз мне твой бокал подарила, красивый такой, с глазами Будды.

– Это не его глаза, – засмеялся Виталий, – это Маринкины. Там от буддизма только один глаз – индийский на лбу, мне так захотелось для усиления образа.

– Вот тогда мне прямо за столом что-то начало проясняться, мысль врезалась, что для меня Жанка – жена только в спальне, а в остальном – ну совершенно посторонняя. Не нужны мы друг другу, как семья. Тьфу ты, ну какая к лешему у нас может быть семья? Мне от неё секс нужен, а ей за это – благополучие и независимость. Целый день думал: всё бессмысленно. Дела. Суета. Деньги. Мысли глупые. Любовь... Но любовь, наверное, не полностью. Всё ж иногда из неё что-то путное получается. Из влечения редко что хорошего выходит. Из любви гораздо чаще.

– Ты только любовь противоположных полов имеешь в виду или как? – подколот Виталия.

– Да я про человеческую. Пускай хоть две старухи друг друга любят, или два мужика, но по-людски. По-настоящему. Как мы с тобой. А всё остальное никакая не любовь, это привычка, примерно как к гамбургерам, жареной картошке или пиву с рыбой. И через всё это – опять-таки любовь к самому себе, самому любимому. Всепоглощающая, как у меня была. Но я начал прозревать. Утром на другой день проснулся, не спеша душ принял и в зеркало внимательно на себя посмотрел.

– И чего такого ты там увидел? – откровенно рассмеялся Виталий.

– Кошмар! Других слов нет! Отвратительный тип: брюхо как у беременного свисает, морда лоснится. Кроме лысины, ничем больше на мужчину не похож. Как в такого может юная симпатичная девчонка влюбиться? Тут два ответа: первый – может, тогда она абсолютная дура. И второй – не может, но тогда только делает вид, что у неё со старым лысым толстяком настоящая любовь. Думаешь, мне какой-то из ответов понравился?

– погоди, но тебя ведь всё это год назад устраивало? Ты что, за год так сильно постарел?

– Да не за год, я за один день всё понял! Понял, что сделка у нас, а не семья и любовь. В паспорте – штамп, а настоящая сделка – негласная. Без юристов, печатей, контрактов и подписей, но при этом обе стороны понимают, что эта сделка означает. Ну какая это к чёртовой матери семья? У меня одна только семья была в жизни – с Ленкой, давным-давно. Недолго, но это была настоящая семья: любовь и ругань, заботы и праздники.

– Кстати, как твой Сашка сейчас?

– Оболтус. В Англию отправил учиться, но не знаю, чему он там научится.

– Ну ладно, выпивать ты перестал, это правильно. А дела чего забросил?

– Это тебе тоже Жанка сказала?

– Ага.

– Я в общем-то не забросил... просто дальше стал размышлять. Получилось у меня так. Рассуди, если чего неправильно. С одной стороны, я строю будто бы для людей, то есть делаю полезное дело. А с другой – ради чего я этим занимаюсь? Ради себя, любимого, ради тех денег, которые мне люди приносят, почему-то не очень радостно. Возникает вопрос: если мне деньги ни за что давать, меня это устроит? Отвечаю уверенно – нет. А если я буду строить, но денег будет меньше, перестану я тогда строить – опять нет. Значит, для меня всё-таки дело важнее, а Жанке, выходит, деньги. Ей только это от меня надо. Вот и вся любовь.

– Та-а-к, – протяжно вывел Виталий. – Дальше что? Неужто цены на коттеджи станешь снижать? Или разведёшься?

– Ты понимаешь, один умный человек сказал: когда ищете смысл жизни, для начала попробуйте найти что-то важнее самого себя. Возможно, в этом будет тот самый смысл, – Вася как будто не услышал вопрос Виталия. – Гедонизм съедает людей, делает из них простых обезьян, некоторые притом уверенно отрицают, что они обезьяны. Им очень хочется быть божьими сынами, на худой конец – потомками пришельцев из космоса. А какая разница, как ты сам себя пожираешь: как потомок обезьяны или потомок космического разума? Какая разница яблоку, под какие высокие слова его съедят? И какая разница великому разуму, какими словами его обзовёт вошь ползучая? Он от этого не станет менее значительным, он просто не заметит этой букашки. И ещё бесконечная погоня за ростом: «сегодня – больше чем вчера, а завтра – больше чем сегодня». Вот ты личный ВВП как увеличиваешь?

– А что это такое? Я не знаю, – сознался Виталик.

– Вот! – торжествующе ткнул в него указательным пальцем Вася. – Так я и думал! Одно слово – творческая личность.

– Два, – встрял Виталий. – Творческий человек – два слова.

– Ну да... Два. Но это неважно. Смотри сюда, я попробую тебе объяснить. Сейчас всё на этом построено. Ты сегодня телевизор купил, а через полгода тебе говорят: вот ящик получше, ярче кажет и размахом больше метра, покупай! Год пройдёт – другой станут втюхивать, двухметровый. Давай, скажут, бери быстрее: этот лучше старого, сам в интернете кино находит и вообще очень умный, разве только с собакой не погуляет. И колбасы ты в прошлом месяце кило слопал, а через полгода надо, чтобы полтора, а через год – по два каждый месяц. Мобильники и компьютеры почти каждый день новые появляются – обновляй! Машину надо каждые три года менять, а лучше – чаще. У тебя вообще никакой нету? – значит надо срочно тебя на права выучить и машину впарить покрупнее, чтобы бензин хавала, как ненормальная.

Квартиру построить, и дом. Своих денег нет – кредит бери. Нам же ВВП требуется увеличивать! Не ум, не здоровье, не детей хороших, а чтоб все пили-ели-потребляли, и с каждым днём всё больше и больше! Больше и больше! Больше и больше! – разошёлся он. – Чтобы жрали и пили! Бесконечная спираль.

– А если я не хочу больше? Мне больше не надо, мне в общем-то и так хорошо. Мне, кроме Маринки и работы моей как будто ничего и не нужно. Так, поесть-попить, но вообще-то всё равно чего, я не привередливый.

– Именно! – горячо поддакнул Вася. – В Европе умные люди это давно поняли, а до меня только что дошло. Когда я остановился, и появилось время подумать – сразу опомнился: гонка за бесконечным потреблением запросто может загубить! Сколько народу на этом пути полегло, не сосчитать. Пускай не смертельно: кто-то с катушек съехал, кто-то спился, кто-то в своей скорлупе от людей скрывается. А нам всё талдычат: ВВП надо поднимать, ВВП не растёт! Ну на кой оно нам, их ВВП? ... В общем, решил я в Непал поехать, заказал в Катманду личного гида, бывший наш чувак, когда-то бизнесом здесь занимался, но всё бросил – теперь там. Буду с ним бродить по горам, мудрости набираться и смысл искать. Такие вот у меня теперь дела.

Через пару дней умница Марина (опять она!) договорилась с известным модным галеристом, показала ему пару новых Виталькиных работ, провела переговоры, что-то за него порешала, оставалось только поставить подпись под договором, чего она при всём желании без автора работ сделать не могла. Позвонила: «Приезжай».

Сбежав по лестнице, он энергично двинулся к метро: времени до встречи было в обрез. Но что-то заставило его замедлить бег и остановиться, что-то неуловимо-необычное. Кажется – всё, как всегда. Двор, забитый машинами, осень, оставляющая на пожелтевшей траве свои следы цветными пятнами опавшей с клёнов, липы и рябины листвы. Гуляющие между деревьями женщины с колясками, рабочие в спецовках тащат куда-то ржавую водопроводную трубу.

Но – вот оно! Дворник, который отчего-то сегодня был в неправдоподобно чистом синем комбинезоне, заплетал ивовыми ветками железное ограждение тротуаров, а там, где он уже закончил, Этот! Ивовый Плетень! Был Украшен! Искусственными Подсолнухами! Виталий застыл, поражённый зрелищем. Дворник меж тем неспешно продолжал обвязывать холодное железо гибким ивовым прутком, заканчивая очередной прогон. Пакет с искусственными цветами лежал здесь же, рядом. Виталий помнил, что дворник изредка попадался ему во дворе, но он никогда не обращал на него внимания, как на скамейку или грибок детской площадки. Дворник был элементом пейзажа, привычным и оттого незаметным.

Сегодня невозможно было пройти мимо и не спросить, в чём дело. Может, намечается какой-то праздник? Или новый мэр издал какой-нибудь приказ об украшении дворов? Он подошёл к дворнику и, хотя сам не любил, когда его отрывают от работы, поинтересовался:

– Здравствуй, отец! Праздник какой намечается?

– Так в жизни каждый день – праздник. Красота должна быть в жизни, а то живём, как на помойке, – рассудительно ответил дворник. Было необычно слышать такие речи от человека, чья деятельность обычно связана как раз с мусором. – Вот сделаю красоту, приятно будет людям глядеть. Тем более сейчас время такое красивое, осень.

– Так ты это сам придумал? – не мог в такое чудо поверить Виталий.

– Кто же мне прикажет? У красоты приказчиков нету.

– Погоди, отец, – не понимал Виталий. – А раньше ты вроде такого не делал? Я тут давно обитаю.

– Ну, не делал. Но в душе видать было. Иначе откуда взялось?

– Как это случилось?

– Э-э, всё вам расскажи, – насупился дворник. – Это уж моё дело.

- Да ладно тебе, говори. Я на бутылку дам.
- Не надо мне твоей бутылки, я своё выпил. Бросил я, напроочь бросил, насовсем, – твёрдо ответил дворник, и Виталия вдруг озарило.
- Отец, ты случайно не находил глаз, на стекле нарисованный?
- Откуда знаешь?
- Да это ж я нарисовал! Я художник. Бокал разбился, я осколки выбросил. Так что?
- Правда твоя. Нашёл я вот это. Простая вроде вещь, а так зацепила, взгляд невозможно отвести, – он бережно достал из кармана и развернул бумажку, в которой Виталий увидел маленький осколок когда-то нарисованного на стекле портрета любимой женщины, краешек Маринкиного глаза и красный с золотом кружок, изображавший третий глаз, глаз мудрости.

Когда он рассказал об этом Марине, она без тени сомнения заметила:

- Я никогда не сомневалась, что только красота может спасти мир. Никакие деньги, никакая нефть, смартфоны и «мерседесы» не определяют человека, а только то хорошее или нехорошее, что есть внутри него. То, что определяет его качество. А остальное просто сверху нарисовано. Раскрашено или намалёвано. Ты художник, ты в этом лучше меня понимаешь.
- Я не спорю. Вопрос в другом. Этот бокал с твоими глазами и глазом Будды, он что, в самом деле как-то подействовал?
- Вот уж не знаю. Всяк по своему с ума сходит, говорила моя бабушка, так что и тут каждый имеет право что захочет для себя придумать. Но если это вдруг, я подчёркиваю – вдруг! – так и есть, тогда ты молодец, трёх человек своим искусством спас.
- Четырёх, – возразил ей Виталий. – Тогда меня тоже надо посчитать. Первым.

СУДЬБА

Его все зовут Миша. Не Михаил, а именно Миша, хотя ему далеко за сорок. Так дура-воспитательница в детском саду назвала и – прилипло, хотя родители называли Махсутом, в паспорте черным по белому написано. Но раньше, в интернациональной стране СССР, все почему-то хотели быть русскими, даже евреи. Это потом, уже в России, вспомнили о своих корнях, и теперь в родной деревне Мишу зовут «по-настоящему» – Махсут, а он откликается, хотя долго привыкал поначалу. Намного тяжелее пришлось соседу Хайрулле, которого та же дуручка назвала отчего-то Ваней. И не пойдёшь, не спросишь, с какого похмелья она так, – нет её давно на этом свете.

В Советской стране было положено верить в партию и светлое будущее. Когда Миша был молод (мы его «по-старому», привычно будем называть), он ни во что не верил. И суевренным никогда не был. Он вообще никогда никем не был, даже каким-нибудь особенным самим собой. Как родился, так и жил в родной деревне, которая населена была татарами, а называлась почему-то по-русски. Русских, впрочем, поначалу тоже жило немало, это сейчас они почти все куда-то подевались. И деревня сегодня называется правильно – «Халитова» вместо непонятного «Халитово».

В те давние времена по причине безбожного времени, а ещё из-за всеобщего интернационализма, все христианские и мусульманские праздники перемешались с советскими так, что Миша не отличал сабантуй от масленицы, а Первомай от Ураза-байрам. На все праздники одинаково приезжал из райцентра автомагазин с шоколадом «Алёнушка», диковинными пирожными с белым твёрдым кремом, газированной водой «Ситро», женщины пекли чак-чак и татарские пироги с сырой картошкой и мясом, а мужчины жарили барашка. Всем вокруг было весело. И Мише всегда было весело – чего подростку задумываться о будущем? Не он один – все так жили, отрезками на прямой: лето-зима, год-пятилетка, школа-армия, совхоз-пенсия. В школе Мише учиться было неинтересно, интересней на коне скакать да на мотоцикле, «козле» минском, гонять.

Потом он вырос и пошёл в армию. Ему повезло, он не попал ни на флот, ни в стройбат, опять же Афган его миновал. Служить после учебки выпало на полигоне, который всего-то в тридцати верстах от родной деревни. И прошла бы армия для него почти незаметно, кабы не одно происшествие.

Случилось всё на том же полигоне, во время обыкновенных занятий по боевой подготовке. Стояла середина лета. Весь взвод расположился за бруствером, а солдаты пятёрками ходили в окоп и бросали по очереди гранаты. Гранаты они бросали и раньше, но то были гранаты учебные, а сегодня в первый и, наверное, в последний раз за службу, бросали боевые. Каждые две-три минуты из-за бруствера был слышен разрыв, по их числу можно было определить, когда пойдут следующие. «Бух» – солдаты потихоньку переговаривались, «бух» – некоторые тайком курили в рукав – курить на полигоне не положено, «бух» – Миша сидел, подставив лицо солнцу, наслаждаясь теплом и бездельем, «бух» – «бух», и сержант вёл откидавшую пятёрку к остальным, забирая с собой следующую. Настала Мишина очередь. Нестройно шагая, его пятёрка пришла в окоп для метания. Довольно большой окоп полного профиля, здесь весь взвод мог, слегка потеснясь, поместиться. Офицер, старший лейтенант, скомандовал приготовиться первому и протянул ему гранату. Он приказал повторить для всех правила. Мишин сослуживец Вася Малышев, brave отличник с розовым круглым лицом и очень светлыми, почти незаметными бровями, приняв гранату, бойко протараторил, что надо взять её в правую руку, зафиксировать защёлку запала, левой выдернуть чеку и, размахнувшись, бросить в противника. Через положенные 4—5 секунд произойдёт взрыв. Потом выяснилось, что Вася урождённый левша, которого по правилам советской школы всю жизнь переучивали на правшу. Он

привык, что левой ему ничего нельзя делать, а правой он всё делал плохо. Уверенно выдернув левой рукой чеку, он неуклюже размахнулся правой и выронил гранату у себя за спиной.

Говорят, в такие моменты мгновения становятся очень длинными, некоторые даже исхитряются мысленно кино про всю свою жизнь в голове прокрутить. Миша никакого кино не видел. Он смотрел на гранату, которая лежала на песке в метре от него, и ничего не чувствовал. Только в голове нарастало какое-то напряжение, словно воронкой вкручивалась в мозг свинцовая мысль, будто он должен что-то сделать, но никак не мог вспомнить, что именно. Мысль эта оказалась настолько тяжела, что стоять стало невыносимо трудно, и он упал грудью вперёд, прямо на гранату. Упав, он удивился тишине, в которой это происходило. Рядом на песок бесшумно падали ребята его отделения, и хотя рот старлея был открыт широко, крика Миша не слышал, оттого выглядело это как-то ненатурально, не так красиво, как в кино. Щелчок отработавшего положенное время замедлителя должен был открыть Мише ворота в другое измерение, но ничего не случилось. Всё осталось таким же тихим, как и несколько секунд назад. Молодые солдаты лежали на песке. Совсем рядом, неуклюже обняв голову розовыми руками, лежал виновник произошедшего Вася, чуть дальше уже приподнял голову старший лейтенант. Рот его был закрыт, а глаза, наоборот, открыты, как ворота в рай. Он понял, что НЕ произошло. Полежав ещё несколько секунд, вскочил и начал быстро отдавать команды. Какие, Миша не слышал, по-прежнему стояла мёртвая тишина. Солдатики поднимались, быстро убегали из окопа за бруствер, а старлей присел на колено перед лежащим на гранате Мишей и произнёс так отчетливо, что он, не услышав, понял по губам: «Лежи тихо». Прибежали какие-то люди в огромных одеждах, загородили Мишу бронещитами и помогли сдвинуться с гранаты. Она по-прежнему лежала на песке без чеки, зелёная, мирная и спокойная, и никому не мешала. Когда Миша доплёлся до своего взвода, присел на траву и достал сигарету, целый костёр спичек помог её разжечь. После нескольких затяжек вдруг включился звук, и он обрушился на нашего героя громким хором каких-то несвязных слов, от этого ему стало как-то нехорошо. Примчался комендант полигона, майор с целой свитой офицеров разного калибра, все пожимали Мише руку, а старший лейтенант, командовавший в окопе, обнял и сказал: «Парень, у нас сегодня второй день рождения. Мы с тобой теперь крёстные». А потом комендант как-то не очень понятно добавил: «Это, видать, твоя судьба, сынок – не погибнуть от пули и бомбы. Других напастей остерегайся». Мише дали большой отпуск за это героическое, сулили медаль, но видно не вышло чего. Да он и не обиделся. И рассказать, отчего он на ту гранату бросился, тоже не мог, потому как сам не знал. Про гранату ему рассказали, что в ней нашли производственный брак, такой бывает один на десять тысяч. Вот какое везенье!

Он вернулся после службы в родную деревню и, особенно не задумываясь, женился. Так было принято, так все делали. Затем в череде реформ, нехоти произошедших в государстве, Миша обнаружил, что у него четверо детей, совхоз отдал концы, прихватив с собой Мишину небольшую зарплату и неплохие приработки. Как прокормить домашнюю ораву, никому не известно. Даже больше – никому, кроме него, до его детей нет никакого дела. Поэтому так же легко, как раньше, особо не раздумывая (заплатили хорошо), он согласился помочь погрузить с мельницы мешки с мукой. Через несколько дней оказалось, что документы на муку поддельные. Жуликов с машиной не нашли (может, и не искали), но Миша с другим грузчиком, односельчанином Ильёй, – оказались пособниками воров, отчего на год уехали в колонию как члены преступной группы. Вернулся он домой заглубевшим, с редкими коричнево-желтыми от чифира и плохого курева зубами, а сквозь смолисто-чёрные волосы начала пробиваться седина. Работы в деревне стало ещё меньше, односельчане разделились на две неровные половины: одна пьёт, не просыхая, а другая – закодированная. Мало осталось таких, как Миша, пьющих, но не до беспамятства.

Зато вблизи появились дачные посёлки горожан. Первое время помогал Миша брёвна таскать да срубы ставить, но быстро понял, что больше всех денег имеет «бугор» – бригадир,

который работу нашёл, да сам при этом меньше всех работал, только руками махал. И что вполне можно, летом организовав шабашки, весь год не бедствовать, потому что городским деньги девать некуда, сами они ничего не умеют и платят за простую работу большие деньги. Надо только других деревенских опередить и простаков городских к себе привязать. Первое время тяжело было. Но потом получилось легче заказчиков находить, сами дачники подсказывали, кто из соседей строиться хочет. А уж когда догадался Миша, что леспромхоз в районе остался всего один, подружился он не с начальником – зачем? – а с кладовщиком Николаем, который за бутылкой загодя рассказывал, по какому адресу лес вывозить будут. Не ждут – не думают ещё о стройке дачники, а тут Миша, знатный бригадир-строитель, на своём «Москвиче» как будто случайно мимо проезжает, дорогу спросить. А на багажнике везёт дверь якобы кем-то для бани заказанную, просто картинку (пришлось специально в городе купить и детям дать, чтобы отшкурили до глянца). После этого заказ почти всегда был в кармане.

Так бы и шло всё, как прежде. Но вдруг механизм дал сбой, тьфу ты, прямо на ровном месте.

И началось-то всё не как обычно, началось как-то неправильно. Заказ этот Миша «зевнул», правильнее сказать, не искал. Не было у него особого стремления рваться: двум дачникам его бригада дома ставила, и свой дом он решил наконец переделать, то есть поставить новый. Дела последние несколько лет шли хорошо и жить в старой халупе, ещё дедом построенной, как-то не престижно. Уж дерево во двор Миша завёз, дерево для новой избы, невиданной до того в их деревне: на станке обточенные в один диаметр брёвна-«карандаши», заготовленные для большого дома с большой семьёй, да с балконом и с террасой, как у богатых дачников. Шибко хотел удивить земляков Миша-Махсут.

Началом больших проблем стали «лёгкие деньги». Парнишка прибежал соседский, Азамат, и говорит: «Дядя Махсут, там одному дачнику сруб заказанный неуроком привезли, разгрузить некому. Хозяин говорит, найди кого-нибудь, пять тыщ дам». Не надо было ему связываться в субботу вечером с этим делом, но ведь Мишин сосед Салават – с «Беларусью», непьющий (закодированный), и обязан навечно, да и пару тысяч ему лишними не будут (Мише тоже пригодятся, и Азамату «за наводку» причитается). Поехали на самую окраину дачного посёлка, недалеко от границы с полигоном, дерево с лесовоза шутя за пару часов сгрузили, дождь однако в конце пошёл, не шибко сильный, но сделалось от него сразу грязно и неуютно.

С хозяином познакомились. «Миша», – протянув руку, сказал Миша, а дачник-хозяин, пожав, ответил: «Пантелеев». Коренастый Пантелеев возрастом около сорока лет, с очень короткой стрижкой, чтобы скрыть наступающую залысину. Лицо круглое, чистое, гладкое, розовое, как у девушки, носик тонкий, а глаза маленькие, колючие. Имя Пантелеева Миша так и не узнал, того даже жена звала: «Пантелеев, идём обедать». Кем этот Пантелеев был в городе, неизвестно, а у себя на участке – полное чмо. Оденет рваные джинсы и куртку какую-то дореволюционную, с лопатой туда-сюда походит, в земле весь измажется, прямо бомж какой, тьфу ты, вонь подрейтузная. Хотя видал-перевидал Миша за свою жизнь рвань всякую босяцкую, односельчан спившихся, но Пантелеев как-то особо контрастно выделялся на фоне своего новенького огромного красного «Ситроёна».

А тогда, после окончания разгрузки, прямо в мелкий дождь вынес Пантелеев из своей временки поднос с водкой, рюмками и бутербродами с колбасой-сыром, та и так, согрейтесь, мол, ребята. Салават, понятное дело, в завязке – отказался, а Миша выпил две стопки. Хорошая водка, не сучок, дорогая. Тут и закрутилась эта беда. Хотя по-другому отрядить, поначалу вовсе не беда, а удача большая. Спросил Пантелеев дом поставить, да не просто сруб собрать – дело нехитрое (хотя тоже денежное) – но и стропила, и крышу покрыть, и фронтоны зашить, подвал сделать, к тому ещё сарай деревянной. Остальное, говорит, чистую отделку делай привезу из города плотников. Дом собрать надо быстро, до осени. А до осени – рукой подать, август уже. Так что разговор не на торг пошёл, а на рубли немалые, «за скорость». Свободных людей

у Миши не было. Не беда, подумал он, не впервой, опыт есть. Известное дело, эти дачники на неделе в городе живут и только к выходным приезжают, так что выкрутимся. Что-то выговаривал Пантелеев по несколько раз одно и то же, но Миша не обратил внимания. Ударили по рукам.

На другой день выпало воскресенье. Хозяину надо было работу показать, аванс истребовать. Миша пару своих людей с другой стройки снял, да двоих совсем никчёмных алкашей деревенских привёл. За день впятером четыре венца на фундамент положили с грехом пополам. Вечером по сложившейся традиции Миша – к хозяину, надо, дескать, с рабочими рассчитаться, потом еда, чай, и машину заправить. Десять тысяч всего-то просил авансом, а этот жмот ни копейки не дал. Работайте, говорит, как договаривались. «Ладно», – подумал тогда Миша, – «Потерпим. На неделе сруб дособираем, отдаст, когда увидит готовый». Пока алкашам на бутылку дал, а своим – постоянным работягам – денег после обещал.

Понедельник начался дождём. Мелким, морозящим, таким же противным, какой бывает поздней осенью. Мужиков пришлось на первый объект отправить. Там работа уже под крышей, не мокро, да и заканчивать её пора, а то на два фронта воевать сил не хватит. На другой день опять дождь, но уже с просветами. Что-то будто кольнуло Мишу поехать поглядеть, как там у Пантелеева, но больно грязной стала дорога, не поехал. Только к пятнице смог собрать бригадир своих людей на пантелеевскую дачу. Приехали вшестером, так что дело споро пошло. К последним венцам стопориться стало: сильно хорошее дерево срубили буржую. Давно таких брёвен не видали мужики – почти в обхват и длины необычной – 12 метров. Бывало, и больше избы собирали, но то пятистенки. А здесь – четыре стены. Явно не в наших краях рубили. Вот и вышло – тяжёлые брёвна закатить на последний венец вручную, на верёвках, так и не смогли, опять пришлось на помощь Салавата с его «Беларусью» звать. Большая-небольшая, а всё же лишняя, unplanned трата, к тому – опять из своего кармана.

В хороший момент хозяин подкатил. Важный такой, при галстукке. «Ситроён» сияет красным лаком даже сквозь грязь. Не порадовался проклятый капиталист, что дом на месте стоит, а не рассыпью на дороге валяется, – сразу матом ругаться начал: «Я во вторник приезжал, а вас етить... нет... никого. Хотел условиться, когда доски привозить, чтоб дальше простоя не было, а вы... отдыхаете. Так етить... не пойдёт. Или работайте ..., как договаривались, или ..., то есть до свиданья». Денег, понятное дело, опять не дал.

Пришлось все другие, не менее важные в конце лета дела бросить. Бросить-то бросили, почти всех своих Миша к Пантелееву на стройку согнал, только толку получалось – чуть. Мужики работали, как привыкли. Каждый час – чай (а кто-то и чифир), каждые полчаса – перекур, пачки сигарет на день не хватает. Раньше девяти не соберёшь, а после шести всем домой надо. Вот проклятая советская привычка, отрывка совхозная. Ладно хоть по субботам не отказывались работать, правда, только до обеда. Ещё дождь проклятый замучил. Помаленьку вроде бы капает, но и не кончается. Мокрое всё, доски, инструмент, одежда, – не просыхает.

Ну да ладно. Дом поставили и стропила приладили. Обрешётку было привычно начали делать – буржуй приехал, остановил. Велел с внутренней стороны стропильных балок доски крепить, вроде как обрешётка шиворот-навыворот. Потом утеплитель привёз и велел его между балок укладывать. Сам командовал. Даже на крышу залез и пеной монтажной щели лично запенивал. После опять обрешётку сделали и теперь уж металлочерепицу стали класть. Мужики-то непривычные, давай её как шифер крепить, по гребню волны, а длины саморезов не хватает. Стали гвоздями приколачивать. Приехал Пантелеев, зачастил он в последние дни, – Миша ему и говорит: «Саморезы-то короткие». А он разорался: «Вы что, чукчи, что ли? Черепицу первый раз в жизни увидели? Строители, блин!», – опять на крышу полез, показал, как надо. И тут он гвозди увидал, которыми мужики первые листы крепили. Я, говорит, наконец понял, какие вы строители. Черепицу заканчивайте укладывать – и всё.

У Миши даже отлегло. Правда, сразу легче стало. А то совсем тяжесть последнее время на сердце была, может даже болело оно. Только как сердце болит, Миша до того не ведал.

Раз прояснилось с финишем, вдвойне бригадир стал мужиков подгонять. А мужики-то и рады, быстрее зашевелились. Вправду: сколько заработали – и ладно, сильно много никогда не надо, даже вредно. Сколько-то тысяч жене на хозяйство, сколько-то – детям к школе прикупить-приготовиться, домой телевизор новый или шкаф, а себе ничего не надо. Всё, что сверху останется – пропить, а то вспомнить будет нечего. Прожили год или он сам куда-то делся? ... Неделю покуролесишь, челюсть кому сломаешь – есть о чём вспоминать долгой зимой.

Дождь тоже как почувствовал перемену, затих. Даже ненадолго солнце появилось. Правда, совсем ненадолго. Опять тучи собрались, да гуще прежних. Замутило сначала где-то далеко, потом на опушку леса придвинулось, и уже на крыше пантелеевской ветер сквозит. Черно стало сверху, почти так же, как земля внизу. Белая полоса сильного дождя к югу видна стала, а ветер аккурат южный.

– Инструменты убирай с крыши! – скомандовал Миша. – Шуруповёрт, молоток, саморезы подбирай, спускаемся!

Забрались под недоделанную крышу, закурили. Громыхнуло вдалеке, пока несильно.

– Ну и лето нынче, – сказал Ерофеич, плотник. – И зима вовсе не такая, как раньше. Раньше зима – зимой, снег и холодно. А сейчас снега почти нет и оттепель всё время.

– Раньше и лето было другое, – согласился с ним молодой Шарип, – в июне ещё прохладно, а в августе уж не купались. В прошлом году пацаны в сентябре после школы на речку бегали, числу к десятому только подхлонуло.

– Это в прошлом году, – веско сказал Миша. – Нынче смотри что творится, всё лето, считай, дожди.

– Но ведь не холодно, – возразил Ерофеич.

– Не холодно, – согласился Миша.

– Так пойдёт, бананы скоро будем вместо капусты выращивать.

– Не-е, не скоро.

Гроза тем временем надвигалась, шарахнуло уже совсем недалеко. Миша начал считать, после молнии получилось четыре секунды. Ветер усиливался, даже внутри сруба стало неуютно, тревожно. Мужики замолчали, смотрели на небо через незаколотенные фронтоны. Там среди черно-белого кино грозы вспыхивали ослепительно белоснежные изломы, грохот стоял почти непрерывный, и сосчитать секунды от вспышки до грома не получалось. Вдруг им показалось, что прямо над крышей небо распахнулось – стало светло, светлее, чем в яркий солнечный день. Почти без паузы мощно шарахнул гром, так шарахнул, что больно стало ушам. И конечно, не гром был виноват в случившемся, а буря. Плохо прикрепленный лист черепицы сорвало с крыши у них на глазах и унесло куда-то вбок, как лист картона. Опять совсем рядом взорвалась ещё одна молния, загрохотало. Было слышно, как завывает сирена «Ситроёна». «Москвич» молчал, сигнализации у него не было. Буря потихоньку стихала, уходя всё дальше. Начался сильный ливень, строители скучились в центре, где вода их не доставала.

Известно: чем сильнее дождь – тем быстрее проходит. Довольно быстро ливень стих, пошёл мелкий дождик, и вскоре прямо сквозь дождь проглянуло солнце. Это так специально устроено природой: сначала страху нагнать, а после успокоить красотой. Радуга, казалось, прямо от забора начиналась, а конца её не было видно, растворялась где-то в дальних лугах. Выползла бригада на волю и замерла, увидев: лист черепицы металлической, тот, что с крыши недавно бурей сорвало, прямо в крышу буржуйского «Ситроёна» углом воткнулся, и теперь это было единое целое – красный лист в красной машине. Даже красиво по-своему, как скульптура. Кошмар, да и только.

– Что теперь будет? А, бугор? – спросил обычно молчаливый Закир.

– Разберёмся, – коротко ответил Миша, по правде сказать – не представлявший себе, что делать дальше. Буржуя не было видно. То ли он спал, то ли удавился с горя. Мужики, не сговариваясь, достали курево, снова задымили. Неопределённость помогает принимать решение только тому, кто умеет решать. Мужики не умели.

Довольно много времени прошло, прежде чем появился хозяин из своего вагончика-временки. Вопреки ожиданиям, лицо его было спокойным, даже сонным. Может, не заметил ещё? В руке мобильник, направился он в дальний конец своего участка, откуда всегда звонил в город, сигнал там лучше. Говорил Пантелеев громко, слышно было, что речь идет о несчастной машине. После разговора подошёл к строителям.

– Капец вам, – сделал длинную паузу. – Мог быть, если бы не страховка.

– У вас застрахована машина? – у Миши отлегло от сердца. – А то жалко. Красивая.

– Застрахована. Каско – непонятно ругнулся Пантелеев. – Но пока машину ремонтируют, я на такси должен ездить. Не пешком же ходить? В общем, всё. Хватит. Можете собирать манатки и валить с моего участка.

– Что, завтра продолжим? – не понял Миша.

– Ты действительно тупой. А я думал хитрый. Совсем валите отсюда, и чтоб я вас больше не видел.

– Зря вы так, – начал было привычно канючить Миша, – всяко случается. Кто мог знать, что буря приключится? В наших краях я такого не припомню.

– Всё! Я сказал! – зарычал буржуй. Лицо его пошло пятнами, обычно колкие глаза совсем стали как хорошо заточенные карандаши, того и гляди – дырку сделает. – Пошли отсюда на ..., – и выдал очень витиеватый нецензурный адрес.

– Ладно, хозяин, – раз ты так... Давай посчитаем, на сколько мы поработали. Расчёт дашь – и мы уйдём.

Пантелеев начал было открывать свой скособоченный от злости рот, Миша подумал: «Опять разорётся», – но тот вдруг кричать передумал, полез в карман своей рваной ветровки, достал какую-то блестящую вещицу и ткнул в неё указательным пальцем. Откуда-то из её недр забубнил голос буржуя, а потом Миша узнал свой голос и сразу вспомнил разговор в день разгрузки сруба. Пантелеев тыкнул в диктофон ещё несколько раз – звук сделался громче, – а потом поднял его на вытянутой руке прямо к Мишину лицу. Из диктофона довольно внятно стал слышен монотонный голос дачника: «Значит, договорились. Аванса не будет. Оплата в конце. Сруб ставите, паклю пробиваете с двух сторон, стропила ставите, обрешетку делаете, черепицу кладёте, фронтоны зашиваете, ещё лаги кладёте половые и черновой потолок. Если не сделаете или плохо сделаете, денег не дам». Миша опять услышал себя, повторяющего про «семьдесят пять тысяч за всё» и вспомнил, как в тогдашней эйфории от внезапно падающих прямо под ноги денег не слушал того, о чём бубнил буржуй, а думал, что с председателем дачного товарищества надо договариваться насчёт его не старой ещё «Нивы», которую тот предлагал, когда купил себе новую, понтovou – «Шевролет».

Из ступора, в котором он оказался, его вывели слова Пантелеева: «Договор есть договор. Нет работы – нет денег. Скажи спасибо, что за материал испорченный и за машину я с тебя денег не требую». Миша очнулся. В голове крутились какие-то слова, сталкивались, налетая друг на друга, и ни в какую не хотели складываться в предложения. Опыта такого у него никогда прежде не было. «Косяки» разные и прежде, бывало, случались. Но такого, чтобы вовсе без денег после работы остаться – такого никогда. Что-то доделывали, что-то переделывали, не без этого. Пару раз страшал Миша даже бандитскими разборками, ненароком показывая свои «зоновские» наколки. Однако чаще всего удавалось, покричав, без проблем почти всю уговоренную сумму получить. Видать, дачники думали про себя: «Чёрт с ним, основное сделано – и ладно. Доделаем сами. А то напакостит, рожа бандитская».

Сегодня впервые – как обухом по голове. Единственное, что он из себя смог выдать: «Я не люблю, когда меня ... – он сглотнул сухой ком в горле. – Так что встретимся ещё».

«Ну-ну, не пугай. Я пуганный. И сказал – всё! И чтобы я ваши морды здесь больше не видел», – резко, но уже спокойным голосом сказал Пантелеев.

В голове у Миши по-прежнему ничего не вытанцовывалось, только уголовное ученье сработало – последнее слово должно остаться своим: «А я сказал – разговор не кончен», – и быстро пошел прочь. Так войска уходят в отступление, чтобы накопить силы для атаки.

Силы для разборок с Пантелеевым копить пришлось долго. Сначала заняты были – заканчивали два старых сезонных заказа, деньги по ним хозяева исправно платили, да и не требовали ничего особенного, просто крестьянские дома. Хорошие люди. Так прошёл почти месяц. Потом однажды случилась оказия проехать мимо окраины дачной, увидел Миша дом буржуйский под крышей, фронтоны белым сайдингом зашиты. Рядом красная машина стоит (починил своего «Ситроёна», видать) и слышался звук циркулярной пилы – работал кто-то. У Миши опять по сердцу резанула тупая обида. Деньги-то за работу плотникам пришлось свои заплатить, кровные. Нельзя их было обидеть, а то совсем работать не станут. Тогда не завернул Миша к пантелеевской даче, мимо проехал. А в субботу решился. Как и думал, машина возле дачи оказалась, значит на месте хозяин. Подъехал, из «Москвича» вышел, потоптался немного – никто из вагончика не выходит. Пришлось к плотникам, что в доме работали, подойти. Оценил Миша их работу. Хорошо они работали, чисто. Попросил одного, что помоложе, болезненно худющего, как девчонка четырнадцатилетняя, хозяина позвать. Дело как будто есть. Пантелеев вышел. Одет был, как обычно, в рваньё.

– Что надо? Я же сказал, больше не появляйся.

– Не дело это, хозяин, – ответил Миша. – Люди работали, денег за свою работу с меня требуют. Что, мне их всех к вам посылать?

– Хоть всю деревню посылай. Толку не будет.

– Это по-вашему, по городскому, «швыревом» называется, так не по закону. Я же говорю, что нам деньги надо только за сделанную работу с вас получить. Дом ведь поставили? Поставили. Стропила поставили. Обрешётку два раза сделали. Это по любому двадцать пять тысяч стоит. Лишнего нам не надо.

– А ты договор помнишь? Как же, по-о-мнишь, – с растяжкой сказал Пантелеев. – Деньги по нашему с тобой договору полагались за всю работу, причем за работу хорошую. А вы сруб не простучали, не проконопачили, фронтон передний завалили на 30 сантиметров и уже не переделать, древесины сколько даром испилили, черепицу гвоздями запоганили. Про машину молчу.

– Ну тогда придётся авторитетных людей просить, чтобы рассудили, – сказал Миша заготовленную фразу.

– Не придётся. Видел я твои наколки и понял, что ты постараться бандитов местных к нашему спору присобачить. Не выйдет у тебя. Я с авторитетными уже пообщался и запись договора нашего дал послушать. Они говорят – не прав ты, а я прав, вот так. Так что со своими людьми как хочешь, так и рассчитывайся. Всё, – и пошёл прочь.

Уехал Миша не солоно хлебавши, но чёрные мысли затаил. И на следующий же день подвернулся случай. Пили они со старым приятелем, бывшим совхозным трактористом. Алкаш он уже давно конченный. Почти ничего от человека не осталось, даже имени. Звали его кличкой старой, трактористской – Костыль, к которой он подходил хорошо: высокий, кожа да кости, впрямь костыль-костылём. Тогда и подбил Миша приятеля на акт мести всем буржуйам, предложив спалить Пантелееву дачу. День выбрали – среда, как самый тихий посреди недели. По Мишиным разведанным, плотники у Пантелеева работу закончили, и на неделе никого нет. А место тихое – окраина, никого не бывает, кроме самого хозяина, который только по выходным.

В среду вечером Миша извёлся весь. Ходил по улице, чтобы все его видели, а домой заворачивал, чтобы хлебнуть из горлышка одной из тех бутылок, что для Костыля приготовил. Костыль явился не очень поздно, трясся весь так, что Миша сразу понял – не получилось.

Рассказывать без водки, понятное дело, Костыль ничего не смог, только матерился. Пришлось налить. После стакана водки Костыль обмяк, расслабился и стал рассказывать.

– Не смог. Сторож там у него живёт. С ружьём. Пришел. Гляжу, тихо. Никого вроде нет. Хотел через забор перелазить – показалось, шумнуло где-то. Пошел оглядеться вокруг – никого. Вернулся. С угла, где овраг, залез. Пошел к дому потихоньку. Вдруг свет зажёгся, прожектор! Прямо на меня! Я – назад к забору отбежал. Думаю, если кто выйдет, успею удрать. Но свет погас, опять никого. Ну, думаю, случайно коротит. Пошел с другой стороны, где сарай. Вдруг слышу – радио в доме заговорило. Гляжу из-за сарая, свет на мансарде включили. Только и успел подумать, что дома есть кто-то, надо сваливать. А тут прямо над головой, с небес – голос металлический, как на демонстрации: «Предупреждаю. Немедленно покиньте территорию, спускаю собаку. В случае неподчинения буду стрелять». И гляжу – в сених свет зажёгся. Я – ходу. А сзади, слышу, собаки лают. Здоровые, как телята! Пасть – во! (Костыль размахнул руками, показав размер челюсти довольно крупного нильского крокодила). Я как рванул! Уж страху натерпелся!

– А собаки за тобой побежали, что ли? – спросил Миша.

– Не-е. Не знаю. Я их не видал.

«Мститель, мать его», – подумал Миша без злобы. Ничего другого не оставалось, как допить водку. «Ладно. Сам виноват. Какой из Костыля мститель? Не так надо, не так». Вспомнилось отчего-то: «Мы пойдём другим путём». Действительно, надо что-то особенное придумать.

Но пьянка, – раз началась, то просто так, в один вечер закончиться не могла. Не положено. Да и не получается никогда. На другой день со своими плотниками Миша подлечился – мужики конец сезона третий день справляли. Потом подумал – всё, пивка только малость с утра, чтобы голову на место поставить. Но назавтра родня жены приехала, все закодированные, кроме шурина. Загудели с родственником по-чёрному. И тут чудо чуть было не случилось.

В самый разгар веселья парнишка соседский Азамат прибежал и рассказал, что на учениях, которые каждый год на полигоне осенью бывают, неумехи-артиллеристы то ли пьяные, то ли по ошибке какой-то по дачному поселку боевыми снарядами саданули. Переполох огромный, по российскому радио на всю страну сказали! Правда, никто толком не знает, попало куда-нибудь или нет. И на радио не знают. Вот Азамат и побежал посмотреть. Там оцепление, но с опушки на краю полигона всё должно быть видно. Захолонуло Мише сердце, жар необычный от кепки до сапог волной прокатился, он аж взмок весь: «Неужто небесная кара случилась? Если правда, то и впрямь надо начинать с женой молиться», – не верил Миша прежде в красивые слова о боге.

Срочно захотелось самому поглядеть. Оседлали мотоцикл. Но лучше бы не ездил. Ещё не подъехали к открытому месту, а уж сквозь деревья стала видна красная крыша буржуйского дома, целёхонькая. Рядом, в паре сотен шагов, на краю оврага, который служил границей полигона, действительно было много военных, несколько совсем свежих воронок разглядывающих, и в отдалении сапёр ходил с миноискателем. Нет высшей справедливости на этом свете!

Пьянка, как и всё в этой жизни, когда-нибудь заканчивается. У кого деньги кончаются, у кого – здоровье, кто-то сам кончается вместе с пьянкой, а кого какие-то обстоятельства заставляют, вроде жены. К Мише все эти причины никакого отношения не имели. Поэтому он пил уже вторую неделю. Хотя надо бы в самый последний раз напиться и всё забыть. Но никак не получалось. Как протрезвешь – сразу вспоминаешь, прямо перед глазами стоит буржуй проклятый и смеётся, гад. Правда, как выпьешь – ещё хуже. Вот и приходится до беспамятства набираться.

Тут ненароком, ниоткуда, приехал или пришёл его бывший односельчанин, старый друг Илья, с которым они давным-давно ходили на зону по мучному делу. Откуда он взялся, никому не известно, а сам он ничего не рассказывал. Только Миша сразу понял: это перст судьбы. Потому что Илья, в отличие от самого Миши, после зоны настоящим вором сделался. Нигде больше ни минуты не работал, соблюдая воровской закон. На зону ещё несколько раз попадал, хотя и по мелким делам, но уже самостоятельно, не «прицепом». Выглядел Илья, правда, после всех своих походов, неважно. И дело даже не в исколотой наколками, почти сплошь синей и дряблой коже. Редкие зубы, волосы торчат клочками, как шерсть у старой дворняги, щёки впалые, и только в глазах жёлтых живой огонёк.

Конечно, выпили. На Мишу водка уже не действовала – дурел он от неё, и всё. Деньги на ветер. На Илью, кажется, тоже. Выпили литр и сидели, разговаривали почти трезвые. Миша, конечно же, про занозу свою душевную подробно рассказал, да красок не пожалел, богатого буржуа-обидчика расписывая. Илья вор не глупый, сразу смекнул, к чему Миша клонит. Хлопнули кореша ещё малость и договорились. Илья дачу буржуа того «на скок» возьмёт, а Миша ему поможет товар спрятать и потом сбыть. Да ещё договорились, что Илья в доме, в потаённом месте где-нибудь, ртуть выльет. Эту особая месть будет для Пантелеева. Миша во время долгих своих страданий выдумал. И найти ни в жисть не найдёшь, а штука эта – ртуть – говорят, ужас какая вредная, отравиться от неё можно и даже помереть.

Следующие три дня не пили вовсе. Только чифир. Миша на разведку дважды ходил. С биноклем. Из леса наблюдал, что да как у дачников происходит. Да ничего особенного не происходило. За те два дня, что он в засаде просидел, только два раза местные охранники проехали на машине, оба раза днём, не останавливаясь нигде. Те ещё работнички. Знал их Миша – свои, деревенские, из закодированных. Дачники вовсе не появлялись: поздняя осень и погода плохая. Даже Пантелеева, летом приезжавшего по три раза в неделю, не привлекала перспектива в грязи поковыряться. Ещё заметил Миша, что прожектор на буржуйском участке иногда загорается, когда никого не видно, будто бы сам собой. А потом понял, что это у него свет от птиц пролетающих срабатывает. И ещё понял, что не показалось ему, как свет в доме зажёгся, когда рядом с забором пантелеевской дачи машина с охранниками проезжала. Вот тебе и голос металлический, и лай собачий объяснился. Автоматика, приборы охранные, «пугач». Значит, сказал он себе, наперёд надо свет ему от столба отрубить.

В четверг ближе к вечеру наладились. Миша дружка в лесок поближе на машине отвёз, да через час там же и встретил, уже с добычей. Тихо всё прошло. Илья доволен. Навару хоть и немного, зато без хлопот и не так рискованно, как в городе. Как и договорились заранее, Миша Илью в соседнюю деревню, на окраину отвёз – у родственника пока погостить, а сам с уворованным добром – домой. В гараже за ларь с мукой спрятал, и спать пошёл. Впервые за последний месяц заснул без мыслей дурных и без водки.

Проснулся утром – за окном солнце. Не шибко разгулялось, сквозь тучи, но всё равно лучше, чем морось проклятая. Подумал: «Вот и закончилось всё. Надо мужиков собирать и дом ставить». Настроение хоть куда, даже песню какую-то мурлыкать стал. Жалко, не очень долго это счастье длилось. Вежливо постучавшись, вошел участковый местный, Палыч. Присели.

– Я зашёл тебя предупредить. Дружка твоего старого взяли, Илью, за кражу. Он у тебя последние дни кантовался, но мы с тобой знакомы давно, сыну моему с работой помогаешь, плохого ничего не сделал, так что я никому не сказал. Тем более взяли его не у вас в деревне, а в Инышке. Всё равно имей в виду: если что он про тебя сам расскажет, я не при чём.

– А за что взяли-то? – холодок неприятный по спине у Миша прокатился. – Чего он там в Инышке у кого спёр?

– Там-то он ничего не крал. С дядькой он своим самогонку пил. Взяли его по заявлению дачника одного местного, из товарищества. Его дачу он взломал и барахла всякого

набрал: вещи всякие, DVD, тостер, ещё что-то. В общем, барахло. Но хозяин – Пантелеймонов, кажется, на 40 тысяч ущерба написал.

– А как нашли его? – совсем Мишу дрожь пробила, аж руки затряслись. – Он что, отпечатки оставил?

– Нет. Там, понимаешь, какое дело. У дачника этого, Пантелейманова, дом всякой всячиной напигован. Охрана и всякие штучки для управления дистанционного прямо из города. Через телефон или по радио, чёрт его знает, в общем, говорят, Интернет, от автомобильного аккумулятора работает. Говорят, Пантелеймонов прямо из квартиры может что хочешь в даче включить-выключить. Как тревога охранный сработала, он систему включил, видеокамеры у него в стенах замаскированы, и увидел, как вор по дому шастает. Он всё на компьютере записал – и в милицию. У Ильи харя сильно известная в милицеских кругах, ты же знаешь. Его сразу опознали, хоть и плохонькое качество. Тот, конечно, в отказ пошёл. Но этот Пендельман, кроме фото, целое кино записал. Как Илья дверь ломал, как внутри шарился, как шмотки собирал, градусник зачем-то разбил. Деваться некуда, сознался он. Ещё один срок заработал. А ведь недавно совсем вышел, месяц всего тому. В общем, я тебя предупредил по-доброму. Не наговори случайно на себя чего. Если и всплывёт что о вашей встрече, скажи «пили вместе, мол, по старой памяти, больше ничего не знаю».

Вовсе нехорошо от этих вестей стало Мише. Заколдованное какое-то место получалось, неприступное. Почувствовал он, как потихоньку сходит с ума. Надо было остановиться, плюнуть, пока здоровье осталось. Обычно в этом заботы помогают – голову чем-то другим занять, чтоб мыслям ненужным места не осталось. А тут как раз есть чем занять. Плотники свободны, можно свой дом ставить, но почему-то даже думать об этом нет сил. Дерево лежит на дворе, чернеет. И дождь этот проклятый опять каждый день моросит, не переставая. А хочется солнца и лета, и шестнадцать лет, и скакать верхом на коне, и ветер в лицо, и мыслей никаких, кроме радости первобытной, радости обладания этим миром, на котором твой конь оставляет отпечатки своих копыт. И всё впереди, и никаких бед, и никакой проклятой водки, и никаких нескончаемых забот, одна прямая дорога без изломов и оврагов. Заскрипел Миша от бессилия зубами, и кулаком об стенку несколько раз – хрясь! – аж застонала старая изба. До крови костяшки пальцев рассадил, не полегчало.

Время – самый известный лекарь. Надо только чуток потерпеть. Ещё малость – и забил, вогнал бы Миша обиду так глубоко внутрь, что не достать. Всё жена Рахили испортила. Вечно тихая и неприметная, стала каждый день точить по капельке, по капельке: «Аллах», – говорит, – «не велит зла на людей в своём сердце держать». Всё можно стерпеть, но чтобы своя собственная баба! А ещё на бога кивает, комсомолка бывшая, шайтан её заведи! И рана, затухавшая в сердце, как старый вулкан, закипела, взорвалась и приготовилась истечь ядовитой лавой.

Так он решился.

Машину оставил в лесу, особо прятать не стал. Подумал, не обратит никто внимания в эту позднюю грибную пору на лишнюю машину, благо она такая неприметная, тёмно-синяя и грязная. Хорошо даже, что денег на председательскую белую «Ниву» не нашёл. Если кто близко подойдёт, в салон «Москвича» прямо на расстеленную плащ-палатку навалил опять, заранее срезанных, и газету с хлебом-луком прямо на капоте оставил, дескать, тут я, недалеко, за грибами отошёл, сейчас вернусь. А что до дачного посёлка даже напрямки, через полигон, почти три вёрсты, так это нам ничего, это мы привыкшие. После, как дело сделается, надумал до шурина ехать, две бутылки белой припас. Шурина – жена его померла в позапрошлом году – пьёт много, живёт один на окраине деревни, в которой одни бабки остались. Если спросят, точно и не скажет, когда гость приехал, можно любую цифру назвать, он подтвердит. Это на всякий случай будет для Миши алиби.

По нынешней октябрьской поре темнело быстро, несмотря на то, что ещё совсем мало времени – всего-то около пяти. Да к тому ещё тучи совсем затянули небо, которое оттого стало

низким и тёмным, как потолок в бане, которую топят по-чёрному. Силуэты дач уже проглядывались совсем близко. «Похоже, опять соберётся дождь», – подумал, – «Это хорошо, все следы смоем». Он вдруг испугался, что замысел его сорвётся из-за этого незапланированного дождя, однако вспомнил, как в деревне в грозу загорелся похожий деревянный дом, так никакой ливень не помог – всё равно ведь сгорел, разве что не до головёшек. «Ну да ничего» – успокоил он себя, – «Это даже лучше. Больше возни разбирать и вывозить, а то что ж? Сгорело бы всё до пепла, ровное поле, хоть паши и сей. А ведь ему, буржую, картошку садить не надо». Собственная шутка ему понравилась. Он широко ухмыльнулся и бодро стал двигаться вдоль оврага дальше, уже был виден вдалеке забор, за ним поднимался тот самый дом, которого совсем скоро не станет. В отдалении залаяли на кого-то собаки, – это пускай, это к нему отношения не имеет. Поднялся ветерок, предвестник будущей бури, мокрая капля попала на щеку. Но Миша уже был уверен, что сегодня, наконец, месть его состоится, и ничего больше не мешает. А дождь, пусть его! Только сначала будет ветер, который поможет огню быстро сделать своё дело. И от этой радостной мысли он стал быстрее карабкаться по склону оврага, бутыл с бензином громче забулькала в кармане. Он представлял себе, как разожжёт маленький весёлый фитилёк, как бросит бутылку из-за забора в стену. Как огонёк, лизнув облитые горячим брёвна, быстро превратится в могучего зверя, обнимающего в своих смертельных объятиях ненавистного буржуя Пантелеева. Вдруг нога его наступил на что-то очень гладкое и оттого скользкое, он оступился и упал в грязь. Потом увидел очень яркую вспышку и даже услышал гром. «Странно, гроза такой поздней осенью» – было последним, что он успел подумать, потому что окутавший со всех сторон грохот буквально разметал его на части. Спустя несколько мгновений звуки природы, заглушенные ненадолго разрывом снаряда, вернулись. Снова задул ветер, зашумели последней листвой деревья, зашуршала сухая трава и в меркнувшем свете осеннего дня на укосе стала видна белая табличка с аккуратно выведенными краской буквами: «Внимание! ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН. Неразорвавшиеся боеприпасы».

ВСТРЕЧА

Некоторым людям не везёт. С самого рождения не везёт, такие им даты рождения выпадают. Одного 31 декабря угораздит родиться, когда самым близким друзьям не до чьих-то именин, другому ещё хуже попадёт – 1 января, когда голова болит и не до поздравлений. Совсем уж неудача, когда женщина 23 февраля уродится или мужик 8 марта. Но совсем плохо в високосный год, в конце февраля. С одной стороны – отмечать можно, когда захочешь, а с другой – обман сплошной, иллюзия, а не день рожденья. Доживаешь до старости, а лет тебе всего ничего – пятнадцать. Хорошо ещё, в пенсионном фонде пока не догадались, не то пенсию бы не дали, сказали: вы ещё молоды, юноша, давайте дальше трудитесь на благо Отчизны. И претензии предъявить некому: император римский Октавиан Август, тот, что февраль-месяц обокрал, давным-давно, ещё до Иисуса помер. Я репродукцию его мраморной статуи видел. Обыкновенный мужик, к тому же язычник, нехристь.

Всем остальным лишь бы какие дни достаются. В основном простые. Некоторым число 13 не нравится – это от невежества, и сейчас не будем об этом. Счастливчикам везёт в благодатный день уродиться: на Пасху, положим, или на Рождество, на худой конец в маленький какой-нибудь, но светлый праздник, Ильин день, например, или на Николая чудотворца.

К примеру, есть у меня друг, которому повезло, аккуратно его мамка на Сретенье родила, 15 февраля. Мы с другом очень давно знакомы, почитай – лет тридцать, и всё это время так близки, как у родных братьев не всегда бывает. Когда-то учились вместе, потом работали рядом, после – в разных местах. Прошло время, разошлись наши пути-дороги совсем далеко, и по жизни мы, что называется, оказались на разных полюсах, но остались друзьями. Ничего нам не помешало: он – успешный бизнесмен, я – рядовой инженер, он по границам шастает, я картошку в огороде от колорадского жука спасаю, чтоб вместо меня урожай не сожрал. И когда я к Богу пришёл, когда осознал и принял великую его силу, даже тогда мой ни во что не верующий друг со мной не рассорился, и я его по-христиански понял и простил. Остались мы близки, как и прежде.

Дружка моего зовут Олег, подчинённые называют уважительно: Олег Игоревич. Я же чаще всего Олежкой называю, как его жена. Если б вы его увидели, он вам тоже сразу понравился: подтянутый, крепкий мужчина. Такие разболтанности ни внутри, ни снаружи себя не допускают. Рубашка отглажена, под цвет костюма подобрана, галстук яркий, но однотонный, без дурацких рисунков. Лицо гладкое, в волосах ни грамма седины нет. Глаза тёмно-синие, умные. А какой умница! Недаром к нему с детства прозвище прилипло – Умка. Встречи наши с Олегом в последнее время неожиданно случаются. Обыкновенно сам звонит: не возражаешь, говорит, если приеду? Иногда товарища прихватит – я не в обиде. Я-то вином теперь не балуюсь, кагора стаканчик приму из рук батюшки несколько раз в год, по большим праздникам, вот и всё моё разговленье.

Сегодня Олежка приехал один, какой-то разгорячённый. Сразу рюмку себе налил, махнул, тут же налил ещё, хотел было и её сразу выпить, но приостановился, потянулся к закуске. Задумчиво пожевал, нацепил на зуб вилки ещё кусок мяса и взялся-таки опять за рюмку:

– Я тебе кое-что рассказать хотел. По твоей теме. Мы позавчера с Валеркой на дачу к нему ездили, в Веселовку. Генерала он какого-то в гости пригласил, с минобороны его фирма работает. Вот и получается типа «встречи с клиентом», хотя генерал, конечно же, никакой не клиент. Но ты понимаешь... Меня Валерка попросил помочь: «Поехали вместе, а то я один с ним не справлюсь. Военные знаешь, сколько пьют?» Ром, ты Валерку-то помнишь?

– А как же.

Как не помнить? Бывал этот Валера как-то в гостях вместе с Олежкой. Весёлый мужик. Анекдоты без числа рассказывал, некоторые срамные, но смешные. Посидели, поговорили.

Настало время прощаться, я как обычно говорю: «До свиданья. Ступайте с Богом». Вдруг Валера со словами: «Ну что, Коля, двинули?» – икону со стены снимает, под мышку её – и на выход. Я опешил, спрашиваю: «Чего ты Николая чудотворца схватил»? Отвечает: «Сам сказал, идите с богом, вот мы и пошли». Смеётся, нехристь. Шутка у него, оказывается, такая. И смех, и грех.

– Так вот, – Олечка продолжает. – Поехали мы к Валерке на дачу. Полный багажник водкой, пивом и мясом загрузили. Всё равно по дороге остановились у магазинчика, он мне говорит, дескать, купи ещё пару флаконов про запас, на всякий случай, или на утро пригодится для опохмелки. А я думаю: ну куда ещё-то, и половину вряд ли выпьем. Купил одну бутылку, раз уж остановку специально делали. Но что ты думаешь? Пока шашлыки, баня, чуть-чуть посидели, потом ещё, хватились – ничего не осталось! Валерка упрекать меня не стал. Говорит: «Придётся в Веселовку ехать за водкой». Я ему: «Может, хватит? Спать пора, ночь на дворе. Завтра с утра сгоняем». А он: «Мне-то уже два раза хватило, да и тебе, наверное, тоже. А генерал? Обидится ещё. Нехорошо».

Делать нечего. Оставили генерала с подругой на даче, а сами на машине в деревню поехали за выпивкой. Хорошо, дорожные менты в той глуши не водятся, отобрали бы права у Валерки вместе с машиной. Хотя, думаю, не самый худший вариант. Незачем в таком состоянии за руль садиться. Еле по ночи нашли, где купить. Водки взяли две бутылки, и ещё вина для подружки генеральской. Поехали назад. А дорога! Ты в Веселовке когда бывал в последний раз? Там ведь холмы, дорога только этим словом называется, в самом деле просто просека грейдерованная меж деревьев. Валерка торопится, гляжу – скорость под девяносто, берёзы в свете фар мимо проносятся, будто в ужасе от нас убегают. Камни по днищу грохочут, я ему кричу сквозь шум: «Ну куда ты разогнался? Некуда опаздывать! Машину побереги». Он только отмахнулся. Я говорю: «Ну и хрен с тобой, бей, раз не жалко», – и ремнём пристегнулся. В ту же секунду, только замком щёлкнул, глаза поднимаю, гляжу – изгиб дороги, куча гравия, Валера в поворот не вписывается, и мы на эту кучу, как на трамплин, правым колесом взлетаем, и в свете фар на нас косо летит берёза. Больше ничего не помню, помню только, как инстинктивно ногой в пол упирался изо всех сил – вроде как тормозил.

Грохнулись. Сколько времени прошло, сказать трудно. Но, похоже, недолго я был без сознания. Очнулся вниз головой, на ремне вишу. Пошевелился и так и сак – вроде цел. Ничего не болит, хотя с тем количеством обезболивающего, что мы приняли, кусками можно отрезать, ничего не почувствуешь. Валерка, хоть и непристёгнутым ехал, в руль мёртвой хваткой вцепился, это его и спасло. Растолкал его. «Жив»? – спрашиваю. «Как будто обошлось!» – отвечает, – «головой только маленько ушибся о подушку безопасности».

Чую – надо побыстрее выбираться. Что с машиной – неизвестно, а ну как загорится? Для начала попробовал отстегнуться. Машину перекорёжило, замок ремня тоже заклинил, кнопка не нажимается. Давил-давил – никак, к тому же вниз головой неудобно. Помощи, конечно, не дождёшься – кому придёт в голову среди ночи по лесу шастать, кроме нас, идиотов.

Вдруг гляжу – фигура какая-то на дороге, издали не пойму: мужичок маленький или мальчишка. Я рукой махнул и крикнул: «Эй!». Заметил нас, с опаской в нашу сторону свернул. Наконец подходит, оглядывает меня, машину. На лице ноль эмоций. Как икона. Маленький мальчишка, лет десять или девять – откуда он взялся?

Говорю: «Что глядишь? Помоги выбраться». Он стоит без движения, смотрит. Опять прошу: «Пацан! У меня ремень заклинило, помоги отстегнуть». Стоит недвижимо, во все глаза смотрит. И вдруг спрашивает: «Дяденька, который час?» Я обалдел, но часы к лицу поднёс, разглядел время: «Пять минут третьего», – отвечаю. И знаешь, что пацан сделал? Достал из кармана перочинный ножик, раскрыл, полоснул по ремню несколько раз, перерезал. Я башкой на крышу упал, немного руками падение смягчил, кое-как перевернулся, в разбитое окно вылез. Смотрю – парнишка мой быстрым шагом в лес уходит. Ладно, не до него мне тогда было,

Валерке помогал из машины выбраться, потом мы из сломанной берёзы рычаг сделали, машину перевернули, поставили на колёса. Странно – как движущее средство она почти не пострадала, только помятая вся. Добрались до дачи с грехом пополам.

Только когда водку привезённую, как воду, выпили, я о том пацане вспомнил. Что это за чудо было чудное? Откуда он взялся и куда убежал? Куда маленькому пацанёнку по ночам шастать? Валерка смеётся – он мальчугана со своего места почти не видел, только ноги – это, говорит, леший был или оборотень. Ни одной правдоподобной версии нам придумать не удалось. Ты как думаешь? Есть варианты?

– Как же ты не понял! – отвечаю. – Это Он и был!

– Кто – он? – не понял Олег.

– Бог! Это ведь он вас спас! Всё ясно, как божий день.

– Этот пацанёнок-оборванец?

– Дурак ты, прости, господи! Он не оборванец, и даже не пацан. Это только форма, в которой он тебе показался. Всегда я говорил: неспроста ты в Сретенье родился. Спаситель в трудную минуту встретился тебе и помог, от смерти спас тебя, дурака пьяного. Пожалел. А ты в каком обличье хотел его видеть?

– Рома, ну откуда мне знать, какое у богов обличье! Такое, как на иконах рисуют? На всех опять же по-разному. То младенец, то мужик бородатый, то парень молодой восточного вида. Мне кажется, не в этом главная загадка. Знаешь, что меня особенно удивило? Бутылка вина из закрытой машины пропала бесследно. Раскурочил Валерка бедняжку вдрызг. Пока летели – кувыркались, крышу помяли, стёкла разнесли, она на смятую банку из-под пива стала больше похожа, чем на автомобиль. Но два флакона водки внутри в сумке нашлись, целёхонькие. А вина – нет! Ни целого, ни осколков. Как будто испарилось вместе с бутылкой.

– Это небесные силы взяли для причастия.

– Да? Недорого обошлось нам спасение, – качнул бровями Олег. – Валерка меня удивил. Неверующий, но на другой день в церковь поехал, службу за здоровье заказал да свечку самую толстую под лик поставил. Под мужичка бородатого, вроде твоего святого Николая, свечу пристроил, пацанов у них не нашлось.

Несколько дней прошло с тех пор, может – два, а может и целая неделя, не вспомню. Опять приехал ко мне друг, как всегда ненароком нагрязнул, без предупреждения. Сели мы, чаю я себе покрепче заварил, а Олежка, оказывается, даже без спиртного ко мне в этот раз. Специально, сказал, чайку заехал со мной попить и историю дорассказать.

– Понадобилось Валерке страховку за машину получить, она по полному кругу застрахована. Страховщику знакомому позвонил – у Валерки полгорода знакомых, – а тот ему говорит: «Э, нет, дружок, так дело не пойдёт. Авто твоё, конечно, застраховано, но по правилам агенту положено своими глазами увидеть машину после аварии, и документы как положено оформить. Фотографии к делу приложить. Другими словами, сделай так, будто всё только что случилась».

Ну, чертыхнулся он, меня позвал, и поехали мы с ним на то самое место, еле доплелись. Хорошо – машина на ходу, крепко японцы машины делают, а то пришлось бы на эвакуаторе везти. Думаешь, легко её было на крышу поставить? Не смогли вдвоём, пришлось мужиков местных звать, а те никак не хотели понять, зачем и так помятую машину ещё больше ломать.

Наконец перевернули, а деревенские всё изумляются: вот городские дурью маются, совсем с жиру сбесились. Ну да ладно – им не понять, им страховать нечего. Вызвал Валерка страхового комиссара, и я понял – долгое это дело: пока доедет, пока опишет-сфотографирует. Походил вокруг, траву попинал в попытке хотя б осколки найти от той бутылки вина, что пропала. Не нашёл. Делать мне там было больше нечего, вот и решил до деревни прогуляться. Дай, думаю, спрошу у местных. Интересно: что за пацан привиделся? Вдруг найду ответ ночной загадке?

Пришёл в Веселовку, лесом недалёко оказалось от места нашей аварии, минут сорок топтать, не больше. У крайнего дома деда увидел. Сидит в тенёчке, зубы чёрные и сам весь как дуб морёный, подсохший немного, но с виду не развалина, крепкий ещё.

– Здорово, – говорю, – папаша.

– Здравствуй, сынок, коль не шутишь – отвечает.

Спрашиваю: так мол и так, пацанёнок лет девять-десять, куртёшка-обдергайка на нём цвета хаки, штанишки чёрные, глаза тёмные и грустные. Молчаливый, но живенький, по ночам в окрестностях гуляет. Не знаете ли такого?

– Знаем, – отвечает старик. – Как не знать. Витька это, наверняка Витька. Более некому. По ночам тут никто больше не бродит. Да и он бы не ходил, коли не нужда. Только ему не десять годков, а тринадцать. С мамкой евойной вдвоём оне живут. Отца у него отродясь не было. Валентина поди и сама не знает, кто отец Витькин-то. Живут, понятное дело, не шибко, с огорода. Если бы не сестра Валькина, Зоя, вовсе бы им хреново пришлось. Зоя поди-ка хорошо живёт, в городе на железной дороге проводницей работает. Витьку любит, как своего: своих-то нет. Так вот, когда она из поездки возвращается, аккуратно через соседний полустанок поезд проходить, да ещё и останавливается на минутку. Зоя кой-чего подсобирывает, сестре передаёт. А Валентина последнее время приболела, ногами мается, не может сама на станцию ходить. Витьке эта забота досталась. Он хотя и мал ищю, но парнишка сообразительный, вёрткий. Он теперь вместо мамки на станцию бегаёт, за передачкой тёткиной.

Дед утомился длинным рассказом, достал папироску, со второй спички прикурил и принялся с удовольствием пыхтеть, да с присвистом, как маленький самовар.

– Поезд московский у нас вроде без пятнадцати три, или полтретьего проходит, не помнишь Маша? – окликнул он не то жену, не то соседку, старуху, подошедшую из любопытства послушать разговор. Та не ответила. – Летом хорошо, можно на лисапете поехать, зимой на лыжах или санках, а осенью-весной – только пешкодралом. Да ничего, четыре версты – чай немного, я помню, перед войной в школу каждый день по двенадцать километров ходил, шесть туда, да шесть обратно. Одно плохо – ночь. Злодеев и волков в нашем лесу нет, однако как новолуние – плохо ходить, дорогу не видно и на сердце от мрака тяжело, нечисть всякая чудится.

– Так что ж она сама не приедет, не привезёт?

– Да когда ей приезжать? Работает она, себя и сестру с племянником надо обеспечить. Раз в месяц приедет – и то ладно, Витьке праздник, весь огород в корках апельсиновых.

– Получается, некому больше помочь?

– Да кто щас друг дружке помогает? Каждый сам по себе. Намышковал ежели чего, сядет на своём добре, семь замков навесить и трясётся, чтоб не украли. Вон в городе, я в газете читал, милианеры с жиру бесятся, деньгами сорют. А по деревням скоро все коровы с голоду передохнут, молочка не попьёшь. По тивилизору говорят – кризис. Вот оттудова и будет кризис. Одни не знают, куда ассигнации девать, а другим печку топить нечем, дрова уж пять тыщ машина стоит, а на зиму надобно две машины. Газ обещали-обещали, в прошлом годе до околицы довели, дальше, говорят, вы сами. А сами мы – чего? Собрались, послушали Савелича нашего, из сельсовета. Он посчитал: по пятнадцать тысяч с двора надо на трубы, да подключение, справки разные, ищю колонку газовую самим купить и ладияторы. А ежели готовить хош на газу – так плиту тож надоть. По кругу выходит, мне год не есть – не пить, чтобы на газу греться. Ещё б газ был бесплатный – одно дело, но он скоро, говорят, как дрова будет стоить. К чему мене тогда газ? Прожили всю жизнь без газу, так без газу и помрём. Скоро уж помирать-то. А дрова мне Митрич завсегда привезёт, не замёрзнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.